

ВЛАДИМИР ВАСИЛЕНКО

БЕЛЫЙ ТИГР

Хроники Артара

Владимир Василенко

Белый тигр

«Автор»

2019

Василенко В.

Белый тигр / В. Василенко — «Автор», 2019 — (Хроники Артара)

Четвертый том цикла "Хроники Артара". Заснеженные просторы Фроствальда лишь на первый взгляд кажутся безжизненными. Его леса и горы таят множество секретов, а местные обитатели опасны и очень не любят чужаков. Здесь водятся могучие мамонты, смертоносные саблезубы, орды фростлингов и кровожадные волки с подозрительно умными глазами. В предгорьях Ледяного хребта устроили свои логова свирепые северные банды. И даже сама природа противится тому, чтобы в эту локацию совались игроки. Фроствальд встречает гостей лютыми морозами, пронизывающими ветрами и непроходимыми мрачными чащами. Однако именно сюда Мангуста приводят его поиски Джанджи Хэ, великого мастера артефактов. Да и у Стальных псов на этот регион свои планы...

© Василенко В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. В тупике	5
Глава 3. Полтергейст	19
Глава 4. Секретный ингредиент	28
Глава 5. Новый след	37
Глава 6. Напутствие	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. В тупике

Умереть было не страшно. И даже не особо больно. Но, твою ж мать, как же обидно!

Появившись у менгира Возврата, я едва сдержался, чтобы не врезать по каменному столбу кулаком. Адепту Пути негоже давать волю эмоциям. Да и менгир ни в чем не виноват. Он – лишь безмолвный свидетель моего позора.

Посмертный дебафф накрыл меня, как тяжеленное одеяло, вместо пуха набитое свинцовой стружкой. Даже дышать стало тяжело, а ноги подгибались, будто у меня на плечах угнездились еще пара человек моего веса. Хотелось сесть на землю, а лучше и вовсе прилечь и переждать эти несколько минут, бездумно пялясь в небо. Но я добрался до края каменной площадки, на которой высился менгир, и заглянул вниз, в ущелье.

Вон он, гад! Еще не спрятался. Жрет чего-то. Точнее, кого-то. А еще точнее – то, что осталось от меня.

Жуткая зверюга все-таки. Размером со льва, а издали и очертаниями похож. Тоже передняя часть туловища кажется массивнее из-за гривы. Только вот грива эта не из волос состоит, а из длиннющих костяных наростов, топорщащихся, как иглы дикобраза. Иглы эти плоские, с иззубренными кромками, и плоть режут, как ножовки с мелкими зубцами. Морда тоже явно не кошачья – сплошь костяная, заостренная. Скорее клюв, чем пасть. Да и кривые когти на лапах тоже больше похожи на птичьи. Шкура – толстая чешуйчатая, как у ящера, по цвету сливается с окружающими скалами. Отличный камуфляж.

Тварь, будто заметив мой взгляд, задрала окровавленную морду к небу и зашипела, распушив свою гриву так, что стала казаться вдвое больше. Вблизи, когда она так делает, звук такой, будто кто-то маракасами дробный ритм отбивает. Это костяные иглы друг о друга стучат.

Такие вот они красавцы – грифоны Ржавых пустошей. Но конкретно этот у меня уже в печенках сидит. Редкостный засранец. Вдвое больше, втрое живучей и, пожалуй, в десять раз более хитрозадый, чем его сородичи. Не обычный моб, а так называемый именной, и зовут его Анахар, Рвущий плоть. Хотя я бы в качестве титула добавлял «Нападающий исподтишка».

Я отполз от обрыва и вернулся в безопасную зону рядом с менгиром. Уселся на землю, скрестил ноги. Что ж, как учил меня Бао, в любой непонятной ситуации – медитируй. Тем более, что смерть обнулила все баффы и нужно их восстанавливать.

Медитация, как всегда, помогла отринуть ненужные эмоции и привести мысли в порядок. Выводы, правда, были неутешительные. За сегодня это была уже третья моя попытка пробраться в дальний конец ущелья, минуя чертову зверюгу. И с каждым разом ситуация усугублялась.

В первый раз я столкнулся с Анахаром лицом к лицу и принял бой. Это стоило мне первой смерти плюс разодранного в хлам нагрудника, за починкой которого пришлось возвращаться в Гаракс. Противника я, правда, тоже потрепал изрядно. Шкура у него толстенная, однако против него неплохо заходили атакующие умения школы Воды – те, что добавляют дробящий магический урон, игнорирующий броню цели. Плюс здорово помогал эффект оглушения, регулярно сбавывающий от ударов Посохом Царя обезьян. А вот Шепот смерти оказался бесполезен – лезвие диска лишь царапало шкуру зверя, не причиняя ему особого вреда. Апгрейдить его пора. Или обзавестись другим метательным оружием, более мощным.

Второй раз я решил не рисковать и попробовал прокрасться мимо зверюги незаметно, используя Кристалл теней. В итоге выяснил, что у грифонов Ржавых пустошей нюх такой, что им необязательно тебя видеть, чтобы сцапать. Так что вторая схватка вышла еще более скоротечной и кровавой, и я бы снова сдох, если бы в последний момент не успел нырнуть в Туман-

ный чертог. Отсиживался там до тех пор, пока Бао не потерял терпение и не выпнул меня взащей.

Наконец, на третью попытку я пошел, под макушку заряженный баффами от собственных аур и от купленных в Гараксе усиливающих зелий. И зайти решил с другой стороны – не по дну ущелья, а с отвесного склона прямо рядом с местом назначения. Действовал осторожно, выверяя каждый шаг, и уже почти добрался до цели. Но вдруг – удар, тьма, вспышки боли. И – снова здравствуй, менгир Возврата. Тварь терпеливо караулила меня внизу и налетела неожиданно. От первого удара меня спасло зерно Морской саламандры, а то бы и вовсе ничего не успел почувствовать.

Две смерти подряд – это жуть как неприятно. Еще неприятнее осознавать, что один я тут не справляюсь. Придется звать на подмогу Псов. Они как раз сейчас где-то в этих краях.

Проклятье! Идти на поклон к Терехову не хотелось, учитывая, что за последние две недели сам я уже трижды отказывал ему в помощи. Слишком уж увлекся собственными изысканиями. Паладин принимал мои отказы без эмоций, но я понимал, что он мне это еще припомнит. Да и самому было совестно. Молчун хоть и наделил меня особыми полномочиями, совсем уж от гильдейских дел не освобождал.

Самое смешное – что сам по себе Анахар мне даром не сдался. Но он не дает пробраться к древней алантской шахте, вход в которую находится в аккурат рядом с его логовом.

А вот зачем мне понадобились эти руины – это уже отдельная история.

Со времен знаменательных событий в Уобо прошло уже больше месяца. Время летит быстро, особенно когда увлечешься чем-нибудь. А я увлекся. Если бы не напоминания, посылаемые через интерфейс, я бы и вовсе забывал, что надо выходить в реал.

Причем прошли эти несколько недель относительно спокойно. За это время я лишь трижды участвовал с отрядом Терехова в очередных авантюрах по заданию Молчуна. В том числе – в затяжной вылазке к северному побережью, изрезанному скалистыми заснеженными фьордами. Там мы обороняли рудник и строящуюся крепость небольшого клана Сыновья Медведя. Причем так, что сами Сыновья про это, наверное, и не догадывались, потому что мы перехватывали грабителей еще на подходе, устраивая засады. За счет внезапности и кое-каких трюков Дока нам удавалось разносить в салат отряды раз этак в пять побольше нашего. В итоге знатно прокачались, попутно испортив отношения с полудюжиной гильдий, обосновавшихся на северо-восточном побережье.

Сейчас, когда я более-менее понимал логику действий Молчуна, его задания уже не казались мне бессмысленными, да и как повинность я их не воспринимал. Например, с Сыновьями Медведя ситуация была похожей на ту, что сложилась два месяца назад с Дервишами на южном побережье. Они заняли стратегически важную локацию, которую можно оборонять малыми силами, и тем самым не давали ни одной из крупных гильдий полностью доминировать в регионе. Но если Дервишей Молчун слил, позволив им объединиться с Легионом, то сепаратизм Медведей всячески поощрял. Видимо, мнение его насчет таких гильдий изменилось. Чем больше в Артаре групп, грызущихся между собой и примерно равных по силам – тем лучше.

Что ж, войны и хаос – главные двигатели его бизнеса. Хотя я до сих пор слабо понимал, как он зарабатывает конкретно на гильдейских стычках. С тотализаторами на многочисленных аренах Артара все было ясно – их «кухня» немногим отличалась от какого-нибудь бокса или рестлинга, разве что форматов схваток побольше. Однако, кажется, большой гильдейской политике Молчун уделял не меньше времени, чем сбору ставок на очередной турнир.

Не считая тех вылазок с Псами, все остальное время я посвятил себе, любимому. Вплотную занялся прокачкой умений, все плотнее сотрудничал с ксилаями, выполняя для них мелкие поручения и потихоньку повышая репутацию у Кси.

Результаты не заставили себя долго ждать. Я становился все сильнее, смертоноснее. Оказываясь в Артаре, я чувствовал себя чуть ли не супергероем. И на все опасности я смотрел

уже совсем не так, как раньше. Они уже не пугали, а воспринимались с азартом – как очередной вызов.

Был забавный момент: один из ксилайских квестов привел меня в Роцу Конокрадов – небольшую локацию к югу от Золотой Гавани. И там я снова столкнулся с грызлом, разоряющим заячьи силки трактирщика Гивина. В свое время мне пришлось бежать от него в ужасе – он казался мне настоящим исчадием ада. В этот раз я перебил ему хребет буквально за пару ударов и долго стоял над ним, недоуменно разглядывая тело. И вот эта облезлая шавка меня когда-то так напугала?

Занимаясь прокачкой, я внял советам Бао и не торопился. Из каждого квеста, из каждого боя старался извлекать максимум. Если удавалось завалить монстра с ярко выраженным перекосом в какой-то стихии – поглощал именно эту стихию. Сейчас базовая Сила у меня уже приближалась к 500 пунктам, а Ловкость и Живучесть уже основательно перевалили за этот рубеж. Вообще, я старался прокачивать все характеристики равномерно, раз уж у меня гибридный класс, у которого нет явно выраженных сильных и слабых сторон. Но Интеллект пока здорово отставал – мне за все время с трудом удалось увеличить его до 200. Эта характеристика вообще специфичная и слабо качается на убийствах мобов. Нужно овладевать магическими навыками или ремеслом типа алхимии.

Впрочем, в последнее время я уже редко заглядывал на вкладку с этими цифрами. По внутренним ощущениям разница, скажем, между 450 и 500 единицами Силы почти незаметна. Зато сил и времени на каждый такой +1 приходилось тратить все больше и больше.

Впрочем, сила монаха – не в базовых характеристиках, а в умениях. Поэтому, пожалуй, процентов семьдесят получаемой Ци я конвертировал в чистую и тратил на применение боевых приемов, все больше повышая их эффективность. Тем более, что ранги Мастера в двух стихиях давали бонусы к более быстрой прокачке приемов.

Отдельное внимание уделял поиску Источников, а также малых алтарей стихий. Это такие уменьшенные копии великих алтарей, их довольно много в Артаре. Если помедитировать рядом с ними – получаешь хороший временный бонус к умениям соответствующей школы и к скорости их прокачки. Так что я старался разведывать такие места, отмечал их на своей карте и, по возможности, старался возвращаться за новым баффом.

Вплотную я подошел и к взятию Экспертного уровня в базовых классовых умениях монаха – Медитации и Знании Ци. Эти умения, хоть и относительно просты в прокачке, требуют планомерной и длительной работы над собой. Даже боюсь представить, сколько же придется прокачивать их до Мастерского уровня – явно не меньше полугода.

С умениями школ Воды и Дерева я долго экспериментировал, стараясь найти баланс между силовыми атаками и скоростью. И все-таки все больше склонялся к скоростному стилю. Из атакующих умений школы Дерева с ним удачно сочетался только Хвост дракона – круговой удар ногой, и модифицированная с помощью Посоха Царя обезьян Хлещущая ветвь. Впрочем, на всякий случай я все равно изучил все доступные мне приемы, в том числе мастерские.

Мастерское умение защитной ветки выглядело так:

Укоренение. Защитное умение мастера школы Дерева. Монах использует два заряда чистой Ци, чтобы значительно усилить свою физическую броню, сопротивление оглушению и опрокидыванию, а также не чувствовать боли. Одновременно с этим в радиусе трех метров от Монаха действует умение Тернии текущего уровня. Продолжительность – 30 секунд. Дополнительная физическая броня – 1 единица за каждую единицу Силы. Ограничения: невозможность двигаться, невозможность атаковать.

Я уже пробовал его несколько раз в бою, и впечатления были смешанные. С одной стороны, брони добавлялось столько, что тело мое становилось прочнее кожаных доспехов, что были на мне надеты. Последний раз я применял это умение сегодня, во время первой драки

с Анахаром. Было необычно наблюдать, как острые когти чудовища, легко разрывая броню, бессильно скрежещут по моей груди, будто она отлита из металла. Но в остальном такая тактика ухода в глубокую оборону абсолютно не оправдывалась, если ты бьешься один. Толку-то, что я стою полминуты, неуязвимый к ударам, и сдерживаю противников Терниями? Бить-то их кто будет? В общем, трюк этот явно рассчитан на танкующих монахов. Как и Сердце дуба, но то хотя бы позволяет двигаться.

А вот атакующее умение было куда более перспективным, хотя и навевало неприятные воспоминания.

Боевой клич Джубокко. Атакующее умение мастера школы Дерева. Монах использует два заряда чистой Ци, чтобы преобразовать их в мощную звуковую волну, длящуюся 5 секунд. Волна оглушает и дезориентирует противников впереди монаха, сбивает с них большинство положительных эффектов (баффы, ауры, эффекты зелий). Под воздействием клича противники получают дебафф, снижающий их показатель Силы на 15%. Сам Монах получает бонус к Силе +2% за каждого пораженного противника. Дальность поражения – 4 м, угол атаки – 180 градусов, продолжительность эффекта после боевого клича – 60 секунд. Ограничения: невозможность двигаться и атаковать во время клича. Если клич был прерван, сила и продолжительность его воздействия снижаются вдвое.

Этот штука здорова помогла мне в больших замесах в окрестностях рудников Сыновей Медведя. Ворваться в толпу, ослабить противников перед собой, сбить с них все баффы, а вдобавок ко всему – еще и получить нехилую прибавку к Силе. Это вполне стоит двух зарядов чистой Ци! Правда, сам вопль получается весьма неблагозвучным, так что я быстро стал объектом для подначек со стороны Стинга и Берса. Пришлось даже разок применить клич против них самих – в воспитательных целях.

Конечно, все это время я занимался не только тренировками. Наоборот, оттачивание боевых приемов шло в таком фоновом режиме. Артар – такое уж место, что возможность подраться выпадает здесь на каждом шагу.

Основное же мое внимание занимали поиски.

Джанжи Хэ, величайший из ныне живущих ксилайских мастеров артефактов, исчез больше года назад по местному времени. С тех пор ни одной зацепки, которая могла бы вывести на него напрямую, не появлялось. А ведь у ксилаев есть это их телепатическое «сарафанное радио» – Кси. Если бы мастер захотел выйти на связь или хотя бы попался на глаза одному из странствующих торговцев или исследователей – Кси бы знало об этом. Попытки самих старейшин связаться с Джанжи телепатически тоже не увенчались успехом. Так что версий по поводу его судьбы было две – либо он мертв, либо забрался так далеко, что Кси не может дотянуться до него своими ментальными нитями.

Первую версию я, понятное дело, отбросил. Джанжи – непись, и умереть попросту не может. Каких-то упоминаний на сайте игры о том, что его удалили, я тоже не нашел. Да и последний патч был еще до того, как он исчез. Артар вообще уже пару месяцев работает круглосуточно семь дней в неделю, даже на техническое обслуживание пауз не делают. Что, кстати, странно.

А если мастер не умер – значит, он забрался так далеко или глубоко, что попросту не может выйти на связь. Вопрос только в том, зачем он это сделал. По рассказам тех, кто знал его, он был странноватым и очень замкнутым ксилаем, которого не интересовало ничего, кроме его ремесла. Но это не значило, что он ненавидел людей. Мало того – в быту он был настолько неприспособленным и неуклюжим, что у него всегда были помощники для мелких поручений.

Одного из таких мне удалось разыскать. Тощая, немного нескладная, но шустрая ксилайка строением морды и окрасом напоминала гепарда. Звали её Джия Ли. Она помогала

Джанжи последние несколько лет в его мастерской на северных склонах Арнархолта, неподалеку от Эривина.

Эривин – крупнейший из Оплотов на равнинах Лардаса. Конечно, здорово уступает Золотой Гавани, но со временем, возможно, станет не менее популярным. Расположение удачное – в самом центре материка, на пересечение торговых путей. Контролирует его тоже империя Этель, однако и ксилайское влияние там сильно. В отличие от Гавани, где лагерь Кси ютится за крепостными стенами, в Эривине котам отведен целый квартал. Там я и провел несколько игровых сессий, пытаюсь по крупицам собрать информацию.

Выяснить удалось немного. Либо детектив из меня не ахти, либо кое-кто хорошо умеет замечать следы.

Прежде всего – незадолго до исчезновения Джанжи увлекся алантскими артефактами и наташил к себе в мастерскую целую кучу всяких странных агрегатов. Как и большая часть наследия алантов, все эти механизмы либо не работали вовсе, либо работали криво, но мастер упрямо возился с ними, забросив ради этого даже любимую резьбу по кости. Закончилось это взрывом, после которого от мастерской мало что осталось, а сам Джанжи Хэ бесследно исчез. Единственную короткую весточку он послал лишь спустя несколько дней после инцидента – в ответ на ментальный зов Джии.

В этой части рассказа золотистые глаза ксилайки блестели от едва сдерживаемых слез. Не нужно было быть крутым психологом, чтобы понять, что она питала к Джанжи куда более теплые чувства, чем обычно связывают работника и работодателя. Даже если сам мастер и не подозревал об этом. И именно благодаря этой трогательной неразделенной любви у меня появилась единственная подсказка.

Север. Джия успела понять, что Джанжи ушел куда-то далеко на север от Арнархолта.

А вот что с ним случилось дальше... У меня пока была одна версия, но вполне жизнеспособная. Что, если его увлечение алантскими артефактами завело мастера в какие-то глубокие катакомбы? Настолько глубокие, что до него не могут достучаться другие ксилай. И там он попал в ловушку – к примеру, под обвал. И теперь жив, но попросту не может выбраться. В таком случае он может быть заблокированным сколь угодно долго, пока кто-нибудь его не обнаружит. И лучше бы это был я.

Что ж, версия есть – нужно ее отрабатывать. Я принялся разыскивать алантские подземелья и обшаривать их на предмет хоть каких-то следов Джанжи Хэ. Это оказалось куда более сложной задачей, чем я думал поначалу. Весь материк был сплошь усеян всякими древними катакомбами. Многие из них представляли собой настоящие лабиринты. Исследовать их одному было делом довольно опасным, так что мне за эти недели пришлось изрядно попрактиковаться в скрытном передвижении. Даже вошло в привычку постоянно держать наготове Кристаллы Теней. Впрочем, инвиз был крайней мерой. В основном я делал ставку на осторожность, бесшумность и выбор нетривиальных маршрутов. Серебряное Жало уже стало продолжением моей руки, и вы удивитесь, сколько возможностей дает эта штука в плане преодоления различных препятствий. Особенно в сочетании с навыками трейсера.

Поиски заводили меня все дальше на север, так что со временем я обосновался в Гараксе. Ржавые пустоши, да и места к северу от оплота Банд прямо-таки кишели останками алантской цивилизации, так что работы тут было непочатый край. Вот только пока все было без толку. И руки, честно говоря, начали понемногу опускаться. Вперед меня продолжало вести только мое упрямство и какое-то смутное предчувствие, что результат будет стоить всех моих усилий. В конце концов, в моей банковской ячейке валяются заготовки четырех зерен для Нити Пути. Пока это лишь бесполезные куски зачарованной древесины. И кто, если не Джанжи Хэ, способен сотворить из них маленькие шедевры?

Но вот, когда после недель бесплодных поисков я уже готов был отчаяться и забросить эту затею – мне в руки попадает обрывок старой карты. А на ней – подсказки о местонахождении входа в заброшенную алантскую шахту в одном из дальних закоулков Паучьего каньона.

Такие клочки пергамента частенько попадаются в Артаре, как правило, в качестве награды за мелкие квесты. Это что-то вроде очень грубых карт сокровищ с отмеченными на них укромными местами. Там может быть и реально сундук с чьими-то фамильными реликвиями, или нычка контрабандистов, или развалины какого-нибудь заброшенного дома. А то и вовсе чья-нибудь могила, в которой вместе с усопшим зарыто что-то ценное. Усопший при этом частенько оказывается не до конца усопшим, но это уже другой вопрос. Никто ведь и не обещает, что будет легко.

У игроков к этим картам отношение скептическое, особенно сейчас, когда со старта игры прошло уже около трех месяцев. Ты не можешь быть уверенным в том, что подсказка попала к тебе первому, и отмеченное на карте сокровище уже не забрали задолго до тебя. Дубликатов одних и тех же подсказок в игре ходит множество – особенно тех, что выдаются за выполненные квесты. Некоторые сокровища – например, тайники контрабандистов, регулярно обновляются. Но большинство просто заложены когда-то на старте игры, и респаун у них, наверное, только во время перезагрузки сервера. А перезагрузки, как я уже говорил, не было давненько.

Но в этот пергамент я вцепился, будто голодный кот в свежую рыбу. И все из-за того, что поверх карты чернели размашистые, как следы когтей, ксилайские иероглифы. Какие-то торопливые, неряшливые пометки, явно более свежие, чем основной рисунок.

Алантская шахта и ксилайские пометки. Совпадение? Может быть. Но это хоть какая-то зацепка, первая за все время!

По-ксилайски я читать так и не научился (да и вообще, проще просто прокачать Интеллект, чтобы система автоматически выдавала перевод). Так что проконсультировался у Бао. Тот тоже не понял и половины – слишком уж путанные были записи. Но удалось разобраться, что заметки касались некоего первородного обсидиана, залегающего где-то глубоко-глубоко по основному стволу шахты. И это был второй звоночек. Дзия упоминала про обсидиан, когда рассказывала о новом увлечении мастера. Так что проверить эту шахту точно надо!

А тут, как назло, эта колючая ненасытная гадина, гбахали её раздери!

Я вздохнул, стараясь сдержать вновь закипающий гнев и досаду от поражения. Пять полных циклов медитации прошли, а вскоре рассеялся и посмертный дебафф. Однако я продолжал сидеть у менгира, скользя взглядом по окрестностям и прикидывая, что сказать Терехову. Тут-то меня и настиг входящий вызов по чат-медальону.

Ха! Док. Ну, что ж, на ловца и зверь бежит.

– Привет, Стас! Чем занят? Опять, небось, восседаешь где-нибудь на пятой точке, медитируешь?

– Э-э-м...

Я даже невольно огляделся – не стоит ли Док неподалеку. Или просто угадал?

– Слушай, джедай, сгребайся ты уже и дуй в Гаракс. Разговор есть по твою душу. Просили срочно разыскать.

– Кто? Терехов?

– Нет, Леонид пока вообще в оффлайне. Бери выше.

Молчун? Странно. В игре мы с ним не пересекались со времен нашего самого первого разговора в «Жемчужном павлине». Да и зачем, если он теперь может мне и в реале позвонить?

– В общем, пересечемся в «Треснувшем гарпуне». Знаешь, где это?

– Я ведь не Берс, чтобы все значные места в Артаре знать.

– Это небольшой кабак, прямо рядом с Мясорубкой, в подвале. Вывески там нет, но ищи на стене приколоченный старый гарпун. Здоровенный такой, не пропустишь.

– Ладно, постараюсь.

– Кстати, скоро Константин выйдет подраться. Вот как раз после его боя все там и встретимся. Если поторопишься, успеем пересечься еще раньше, где-нибудь на трибунах. Мы со Стингом будем на западной стороне. Подтягивайся.

– Угу.

Я огляделся напоследок. Небо над каньоном было чистым, без единого облачка, и таким пронзительно-голубым, что рыжеватые, будто ржавые скалы на его фоне казались еще более мрачными и безжизненными. Прямо надо мной, выписывая неровные круги, парил стервятник. Он быстро снижался, и вот уже, тяжело хлопая крыльями, приземлился на самом краю пропасти. Потоптался на кривых когтистых лапах, нетерпеливо заглянул вниз, вытягивая уродливую голую шею. Похоже, высматривает, не осталось ли чем-нибудь поживиться после Анахара.

От мысли, что это облезлое недоразумение будет клевать мои останки, пусть и виртуальные, меня аж передернуло. Прежде чем уйти, я метнул в стервятника чакрам. Обезглавленная птица затрепыхалась на краю и свалилась вниз. Но на смену ей уже подтягивалось еще с полдюжины. Те пока не торопились садиться и безмолвно кружили над пропастью.

Я вздохнул. А что, пожалуй, кабак – не такая уж и плохая идея. Даже у монахов бывают тяжелые дни, когда не помешало бы выпить чего-нибудь покрепче.

Глава 2.

Кипящая кровь

По своим размерам Мясорубка – главная бойцовская яма Гаракса – значительно уступает Алому кругу и другим пафосным гладиаторским аренам Империи. Да и ставки тут скромные – действует лимит в десять золотых. Однако зрителей здесь в последнее время, кажется, не меньше, чем на столичных стадионах. Организаторам даже пришлось надстроить вокруг ямы несколько дополнительных деревянных ярусов, чтобы размещать толпы желающих поглазеть на поединки. Аудитория Артара бурно растет, игроков с каждым днем все больше. На узких улочках Гаракса уже не протолкнуться. Я давненько не бывал в Гавани, но могу представить, какое тогда там столпотворение.

Ну, а проблему со ставками, как и везде, решают люди Молчуна. К местному крикливому неписю, похожему на пузатого восточного торгаша, свои ставки сейчас несут разве что полные нубы и нищоброды. Ведь параллельно с дефолтным тотализатором на каждой крупной арене уже давно существует другой – со своими коэффициентами и своими лимитами. Это уж не говоря о том, что в реале Молчун тоже давно принимает ставки в любой валюте.

Роль тайных букмекеров в Артаре выполняют скромные неприметные игроки в серых рясах с капюшонами. Они, кажется, вообще не занимаются прокачкой и в игру ходят, как старинные клерки на работу. Ведут толстенные фолианты с записями ставок, пересчитывают и сортируют бесчисленные стопки монет, постоянно что-то пишут мелом на грифельных досках. Правда, горе тому, кто решит, что эти клерки – легкая добыча. Служба безопасности у Молчуна, конечно, тоже имеется. Не говоря уж о Стальных псах.

К слову, отряд Терехова не так давно как раз натравили на банду игроков, которые решили грабануть букмекеров Мясорубки. Их, конечно, завалили на месте, но Молчуну и этого показалось мало. Так что мы потом несколько дней охотились на этих ребят, раз за разом отправляя их к менгиру. Помогал нам в этом специально присланный шефом ассасин, который раскидывал на жертв свои метки, чтобы отслеживать их местоположение.

Первое время они отбивались. Безуспешно. Потом пытались нас подкупить. Потом молили о пощаде. Потом грозились пожаловаться админам. Тоже все без толку. А админам и вовсе на такие ситуации плевать – все в рамках игровой механики, нарушений нет. Они и про бизнес Молчуна, естественно, в курсе, но он тоже не нарушает правил. По крайней мере, в той части, где оперирует игровой валютой.

Кончилась та история тем, что незадачливые грабители после десятка смертей вообще перестали заходить в игру. То ли так кардинально сменили время онлайн, что нам больше не удавалось их подкараулить, то ли вообще решили взять таймаут на пару недель. А может, и вовсе обнулили персонажей. В их ситуации это было бы, пожалуй, не самым плохим выходом.

На мой взгляд, возмездие было чересчур уж суровым, но, с другой стороны, я понимал, что в таком бизнесе, как у Молчуна, репутация слишком много значит. Так что он позаботился не только о том, чтобы размазать наглецов, но и о том, чтобы история эта получила широкую огласку. Вот только участвовать в этой травле мне не особо нравилось. Те болваны, конечно, сами напросились, но быть палачом мне совершенно не улыбалось. Я потому и от нескольких следующих миссий отказался – они были из той же серии.

Вообще, сотрудничество с Молчуном с самого начала вынуждало меня на сделки с совестью. Мне не очень нравился этот тип и его методы, но он каким-то непостижимым образом понемногу заманил меня в свои сети. Поначалу просто пользуясь моим страстным желанием попасть в эту игру. Потом, пожалуй, деньгами. Хотя сейчас я понимал, что уже не в деньгах дело. Платил он мне прилично, и накопить на собственный Эйдос-модем теперь – вопрос нескольких недель. Однако я вполне ясно осознавал: даже когда у меня будет собственный модем – я не уйду из Стальных псов. Здесь я чувствовал себя причастным к чему-то большему, чем просто игра. Мы вроде как над этой системой, и можем влиять на нее. Не как админы, конечно, а нелегально. Но от этого ощущение власти становилось еще более притягательным. Мы могущественнее остальных, потому что сами сумели этого добиться.

Хотя, может, это очередной обман. Иллюзия, в которую хочется верить. А еще – подсознательное, животное желание принадлежать к сильной и агрессивной группировке. Вообще-то я привык считать себя одиночкой. Но, стоило пару месяцев побегать в стае, стал замечать за собой, что это чертовски приятно – знать, что тебе есть, на кого опереться.

Псы – те еще мутные типы. Но своих не бросают.

Трибуны на западной стороне Мясорубки ломались от публики, так что я с трудом пробивался через толпу, попутно пытаясь разглядеть Дока и Стинга. В чате некромант написал, что они где-то на втором этаже. Но к лестнице, кажется, пробиться было нереально. В конце концов, плюнув, я переместился к внутреннему краю конструкции, нависшему над самой ареной, и перемахнул через перила. Выстрелил Жалом в одну из толстых поперечных балок, поддерживающих настил верхнего яруса – она как раз выступала далеко вперед. Втягивая веревку, заскользил вверх, под удивленные и возмущенные возгласы зрителей.

Наконец, удалось разглядеть Псов. Дока было видно издали – наш некромант в последнее время вообще стал фигурой заметной. Весь в черной тисненой коже с серебряными и костяными вставками, в плаще с алым подбоем и жестким стоячим воротником. Волосы и короткая бородка – щегольского платинового оттенка. Прямо граф Дракула, не меньше. Карачуна он в городе деактивировал, потому что его аура здорово нервировала окружающих. Череп фамильяра он в таких случаях крепил на левом наплечнике, а остальные кости покоились в специальном цилиндрическом кофре на спине, из которого торчали, как клюшки для гольфа.

В правой его руке, как обычно, жутковатый жезл из древесины Джубокко – той самой ветки, что мы добыли с ним в ходе страшной битвы между двумя племенами ванаров. Особой обработке ветка не подверглась – осталась такой же узловатой, кривой, заканчивающейся длинными отростками, похожими на уродливые пальцы. Крафтер только отполировал ее и снабдил в нижней части обмоткой из полосок мягкой кожи, чтобы удобнее было держать. Но неприятное впечатление эта хреновина производит не из-за своего вида. А из-за того, что по-прежнему постоянно изгибается, двигает своими кривыми пальцами, так и норовит за что-нибудь схватить, поцарапать, ущипнуть. По-моему, только поэтому Док не выпускает ее из рук – чтобы хоть как-то контролировать. Ну, и еще потому, что она ему явно нравится. Может, надеется адресировать ее со временем. Пока не очень получается.

Стинга я тоже заприметил. Его и раньше было легко узнать по специфичной носатой физиономии. Но теперь в глаза издали бросались еще и монструозного вида очки, которые он нацепил на этот свой шнобель. Ну, очки – это слабо сказано. Хитроумная алантская конструкция скорее походила на древний летный шлем – этакую кожаную шапку с хлястиками по бокам, плотно охватывающую череп и закрывающую верхнюю половину лица. В эту шапку на правой глазнице было встроено что-то вроде короткой, но толстой подзорной трубы, временами выдвигающейся чуть вперед – видимо, когда Стинг пользовался зумом. Левая глазница тоже была прикрыта круглой зеленой линзой в медном обрамлении. Вообще, он хвастался, что вся эта оптика – не для стрельбы, а позволяет видеть игроков и неписей голыми. Но ему, конечно, никто не верил. Хотя Ката заметно нервничала, когда лучник надолго останавливал на ней взгляд.

Лук он тоже не так давно сменил, и тоже на алантский – короткий, массивный, с двойной тетивой и кучей каких-то блоков и сочленений. В сложенном состоянии он и на лук-то не был похож. Скорее, на оторванную лапу древнего робота.

Из одежды на Стинге теперь были плотные кожаные доспехи рыжевато-коричневого цвета, с кучей пряжек в виде шестеренок из желтого металла – не то латуни, не то меди. Разве что от любимых стрел с разноцветным оперением он не отказался, хотя с наконечниками тоже стал экспериментировать.

Что ж, увлечение Стинга алантскими технологиями мне на руку – охотнее согласится помочь с Анахаром. Да и в шахту его можно будет взять. Вдруг подскажет чего.

Псы тоже заметили меня – Док махнул мне рукой. Они стояли возле самых перил, но народу вокруг них толпилось столько, что лезть в эту давку мне не особо-то хотелось. Поэтому я расположился прямо на конце балки, свесив ноги вниз. Учитывая высоту конструкции и глубину самой бойцовой ямы, это все равно, что наблюдать за дракой во дворе, усевшись на подоконнике пятого этажа. Обзор отличный, а главное – никто в затылок не дышит и локтями не пихается. Я даже подумал было угнездиться на этом бревне в позе лотоса, но это было бы совсем уж пижонством. Да и свалиться можно было запросто.

Распорядитель боев тем временем разливался соловьем. Хотя, учитывая его голос и внешность, он скорее был похож на раздувающегося от напряжения индюка.

– Близится полдень, а значит, утренние бои в Мясорубке подходят к концу! И, как всегда, напоследок мы приберегаем нечто особенное! Вы слышите этот рев, от которого внутренности дрожат, как холодец из кабаньих мозгов? Вы слышите топот, от которого земля сотрясается под ногами? Значит, вы уже догадались, кто рвется на арену! Выпустим же его, иначе он сломает все решетки!

Внизу, в аккурат где-то под моими ногами, действительно, ворочался кто-то крупный и раздраженный – его гулкий рык доносился даже сквозь шум толпы. Зазвенели ржавые цепи, с протяжным скрежетом поднялась тяжелая железная решетка, и на арену, вздымая целые фонтаны песка, вылетела здоровенная туша размером, пожалуй, покрупнее носорога. Зверюга явно застоялась в тесном загоне, а судя по пятнам крови на ее боках, кто-то предварительно раззадоривал ее, тыкая копытами.

– Извечный кошмар путника, преодолевающего Ржавые пустоши! – вещал тем временем распорядитель. – Верная погибель любому, кто вовремя не уберется с его дороги! Воплощение неукротимой ярости и силы, покрытое твердой шкурой толщиной в ладонь. Встречайте – черный тарраск!

Ящер, строго говоря, не был черным. Скорее, темно-серым. Но так его называли в противовес другой разновидности – тигровому, то бишь полосатому. А насчет шкуры толщиной в ладонь – охотно верилось. На спине она у него и правда такая, еще и ороговевшая настолько, что даже нет смысла пытаться пробить ее обычным оружием. Тут, наверное, и пули бы застревали, не то, что стрелы. Еще и место-то надо найти для удара – вся спина тарраска сплошь

покрыта гребнями разнокалиберных кривых рогов. Вот по бокам и в мягком подбрюшье его броня потоньше и более эластичная. Собственно, как раз из такой шкуры мои собственные доспехи и сработаны.

– Полюбуйтесь на этого красавца! Он уже в четвертый раз на арене! И каждый раз его рога и лапы обагрятся кровью тех смельчаков, что решили противостоять ему. Но в этот раз нашелся безумец, который дерзнет выйти против него в одиночку!

Раненый и обозленный тарраск бесновался на арене, метался между четырьмя толстыми колоннами, установленными квадратом в ее центре. Крупный экземпляр. Обычно его сородичи где-то на четверть поменьше, а то и на треть. Длинная морда была похожа на носорожью, только вместо одного рога на ней высился целый гребень – будто скопление сталагмитов. Часть из них была обломана – здоровяк явно имел привычку таранить все, что попадалось ему на пути, даже если это монолитная скала. Толпа свистела и улюлюкала, еще больше раззадоривая животное. Но запала ему хватило ненадолго – не встречая сопротивления, он чуток успокоился и остановился, опустив широкое рыло к самой земле.

Тем временем заскрежетала решетка на противоположном краю ямы, и из темного прохода показалась знакомая фигура.

Берс.

Помню, как Док регулярно костерил рыжего за то, что тот никак не обзаведется нормальными доспехами, так что после каждой серьезной схватки его приходится чуть ли не по частям собирать. За последний месяц ничего не изменилось. Мало того – в этот раз на Берсе даже не было нагрудника. Мускулистый, жилистый торс его прикрывали только скрещенные ремни в верхней части груди, да и те представляли собой крепление для наплечников. Вот руки и ноги он защитить позаботился – они были сплошь закованы в гибкие сегментированные доспехи из темного металла с подбойкой из плотной кожи, а живот прикрывал широкий пояс с рельефной стальной пряжкой размером с тарелку.

В руках у Берса вместо привычных топоров было что-то новенькое. Тоже рубящее – массивные широкие клинки необычной серповидной формы. Кажется, такие называются хопешами. Я не видел его пару недель, с самой нашей вылазки к северному побережью, и за это время он успел основательно апгрейдиться.

Однако было в нем что-то еще, что сразу же привлекло мое внимание. И дело совсем не в шмоте...

А, вон оно что. Его диаграмма Ци. Соотношение стихий заметно изменилось. Черный сегмент – стихия Земли – по-прежнему доминировал. Живучести у Берса хоть отбавляй. Вода и Дерево тоже сильны, как всегда. Но плюс к этому заметно выделился алый сегмент – стихия Огня. Странно. Вряд ли он вдруг Интеллект резко прокачал или поднял шмотом. Да и зачем ему?

Я пригляделся к его доспехам, но увидел лишь темный и зеленый ореол. Зачарования на Живучесть и Силу. Откуда же тогда стихия Огня? Похоже, дело в этой новой татуировке на груди. Весь торс, начиная от живота, охватывают нарисованные языки пламени и какие-то руны. Возможно, Берс добрался до какого-то значимого рубежа в прокачке. Изначальный его класс – Наемник, воин с балансом между Ловкостью и Силой. Но в каждом классе по мере прокачки открывается куча новых архетипов и веток развития. У меня, как у Монаха, к примеру, есть мои пять боевых стилей – по количеству стихий. Что там у Наемников – даже не в курсе.

Заметил я и еще одну странность. Тоненькую, как паутинка, светящуюся нить Ци, что тянулась от него куда-то вверх, к дальним зрительским ярусам. Я поначалу подумал, что мне показалось. Даже врубил на время Медитацию – в этом состоянии чувства обостряются, и течение Ци видно более явно.

Нет, я не ошибся. Нить есть. Вряд ли это какое-то направленное на него заклинание. На всех официальных аренах действует особое поле, которое блокирует исходящую извне магию. Специально, чтобы зрители не могли бросать баффы или, наоборот, проклятья на участников схватки. Не говоря уж об атакующих заклинаниях.

Значит, что-то другое. Но что?

Распорядитель тем временем, захлебываясь от восторга, нагнетал ажиотаж вокруг готовящейся схватки.

– Человек против черного тарраска! Один на один! Скажете – сумасшествие? Скажете – невозможно? Но на арене – тот, кто решил, что ему это под силу! Встречайте! Берс Кипящая кровь!

Выход на арену, из которого показался рыжий, располагался не у самой земли, а на высоте метров двух над землей, и выводил на небольшую площадку, огороженную каменными перилами. Этаким относительно безопасный балкончик. Покидать его Берс не спешил – ждал сигнала.

– Последний шанс сделать ставки на этот бой! – надрывался толстяк, перекрикивая толпу. – Ставки – двенадцать к одному! Максимальная ставка повышена до пятнадцати золотых монет! Торопитесь, пока не прозвучал гонг! Это шанс сорвать куш почти в две сотни золотых всего за один бой!

Особого столпотворения рядом со сборщиками ставок, правда, не наблюдалось. Интересно, какие коэффициенты на этот бой у людей Молчуна? Да и вообще – что это за дичь? Я, конечно, знаю, каков Берс в бою. Но один на один против полуторатонной горы мяса, рогов и твердой, как железо, чешуи? Серьезно?

Гвалт на трибунах стоял такой, что удар гонга почти растворился в нем. Распорядителю даже пришлось дать команду ударить еще раз.

Берс коротко кивнул, давая понять, что готов. Прежде, чем спрыгнуть на грязный песок бойцовой ямы, он перехватил хопеши, развернув их лезвиями к себе. И крест-накрест полоснул себя по груди – не торопясь, обстоятельно и, судя по всему, довольно глубоко. Толпа притихла. Мы-то в отряде к подобным закидонам рыжего давно привыкли, а вот посторонних людей они могут и шокировать.

Хотя, в этот раз Берсу удалось удивить и меня. Потому что кровь его, щедро смазавшая лезвия хопешей и растекающаяся по груди, вдруг ярко вспыхнула, будто раскаленная лава. А когда он спрыгнул вниз и побежал навстречу чудовищу, клинки в его руках были похожи на зажженные факелы, пламя которых от движений раздувалось все ярче. Етишкины шишки, да у него напалм в жилах! Причем сейчас это уже не метафора.

Огонь против тарраска – может, и не лучшая идея, учитывая, что у этих тварей есть сопротивление к этой стихии, и часть урона будет срезаться. Но это явно лучше, чем простая сталь. Тем более, что магический огонь может наносить куда больше урона, чем обычный.

Тарраск, увидев, наконец, на ком можно выместить свою злость, с глухим ревом бросился вперед, огибая полуразрушенные колонны. Берс, по идее, должен был разыгрывать этакое тореадора, сбивая эту махину с толку и уворачиваясь от его атак. Но вместо этого неся ему навстречу так, будто собирался столкнуться лоб в лоб.

Топот тяжелых лап по слежавшемуся, грязному от крови песку... Доносящиеся даже досюда звуки хриплого, сбивчивого дыхания могучего зверя... Нарастающий гул толпы позади меня...

Удар!

В последний момент уваливая в сторону, Берс на бегу рубанул правым хопешем по морде чудовища. Солидный обрубок темного серого рога отлетел далеко в сторону, на месте сруба растекалась оранжевой светящейся кляксой огненная кровь. Тарраск, споткнувшись, замотал башкой, пытаясь смахнуть с морды пятно огня, но от этого оно лишь раздувалось еще больше.

Сам Берс, затормозив так резко, что на песке остались глубокие борозды от его сапог, развернулся и бросился в атаку. Противник его был куда менее маневренным, поэтому рыжий успел обрушить на него целый шквал ударов с фланга – по нижней и средней части, туда, где шкура уже не такая толстая. Тарраск попытался было контратаковать ударом хвоста, но получилось тоже недостаточно быстро – Берс отпрыгнул и снова сократил дистанцию. Заплясал вокруг зверя, осыпая его ударами то с одного бока, то с другого. Огромный ящер был похож на пса, безуспешно гонящегося за собственным хвостом.

Сообразив, что противник слишком шустр, чтобы подставиться под удар хвостом или рогом, тарраск с ревом ринулся прочь, увеличивая дистанцию. Пробежался по широкой дуге вдоль самой стенки бойцовой ямы, и зрители сверху со свистом и улюлюканьем бросали в него какой-то мусор. Раны на боках зверя дымились, и вскоре до меня донесся отчетливый запах горелого мяса и рога.

Берс по-прежнему держался середины арены, не покидая квадрат, обозначенный каменными колоннами. Здесь ему проще было уйти от прямого удара, который не заставил себя долго ждать. Тарраск, будто бык на корриде, снова набрал скорость и понесся на рыжего, надеясь протаранить его сходу. Тот снова не сплеховал – ушел в сторону, укрываясь за колонной. Ящер пер напралом, так что врубился в каменный столб по касательной. В воздух взметнулось целое облако пыли и мелких ошметков. Я не удивился бы, если бы он и вовсе снес эту колонну – прямой удар с разгону у этого монстра такой, что, наверное, вагон метро может набок свалить.

Пламя на груди Берса и на его клинках заметно тускнело. Чтобы реализовать огненный бонус по максимуму, ему стоило бы снова броситься в атаку и постараться нанести как можно больше ударов. Но он почему-то медлил. Я заметил, что диаграмма Ци его немного потускнела. Какой-то дебафф? Зверь вроде бы его не ранил. Или это такой откат после бонуса от горячей крови?

Рогатый ящер, описав широкую дугу, снова пошел в атаку. Берс снова ушел в сторону, рубанул несколько раз по ногам зверя. И едва не попался под боковой удар башкой. По трибунам пронесся дружный возглас – наверное, части зрителей показалось, что рыжего задело. Но с моего места было видно, что он успел отшатнуться назад и потом просто немного споткнулся, отступая к колонне.

А диаграмма Ци тем временем потускнела еще больше – будто бы Берс постепенно терял базовые стати. Судя по его движениям, он и сам это чувствовал, и не мог понять, в чем дело. Тарраск в очередной раз погнался за ним, и тут рыжий даже не пытался контратаковать. Вместо этого обхитрил здоровяка, лавируя между колоннами, и приостановился, отхлебывая какого-то зелья.

Не знаю уж, что он выпил, но помогло – разноцветные сегменты на диаграмме Ци вспыхнули с прежней силой, а сам боец с грозным боевым кличем бросился в атаку. Толпа снова одобрительно загудела, засвистела, затопала ногами по деревянному настилу. Хотя, похоже, довольно большая часть болела за зверя.

Хопеши в руках Берса мелькали так быстро, что их было не разглядеть. Огонь на их лезвиях все еще горел, и в плоть они вгрызались глубоко, порой отсекая от зверя здоровенные ломти. Правый бок тарраска потемнел от крови, однако, судя по диаграмме Ци, ранения у него были пока не особо серьезные. Все-таки очень живучая зверюга. Против него крепкие копыта обычно используют – пробуют добраться до жизненно важных органов. Мелкими ранами, конечно, его тоже можно затюкать, как и любого моба – просто истечет кровью. Но тогда это будет о-о-очень долгий бой. Я надеюсь, у Берса все-таки есть какой-то план.

Ч-черт! А рыжий тем временем снова слабеет! Статы снижаются постепенно, будто вода, вытекающая из дырявого кувшина. Да что ж такое-то?!

Не прошло и минуты, как боец, только что бодро кромсавший зверя клинками, снова начал бегать от противника, укрываясь за колоннами. Движения его становились все неувереннее. Нет, зная Берса, я не думаю, что он испугался. Но с ним явно творилось что-то не то.

Очередной яростный рев тараска, рывок вперед и...

Толпа взревела так, что я чуть не свалился со своей балки.

Как говорится – есть контакт! Да еще какой. Мощный удар усеянной рогами морды снизу вверх – и Берса подбрасывает в воздух. Описав широкую дугу, он с размаху валится на песок. Один из хопешей отлетает далеко в сторону. Сам рыжий лишь в последний момент успевает откатиться в сторону, чтобы не быть растоптанным тарраском. Кое-как поднимается на ноги и, шатаясь, бросается к оброненному оружию. Капли горячей крови падают с его груди на песок, оставляя пунктирный след.

Он даже успевает развернуться в сторону чудовища, но вот на контратаку сил не остается. В этот раз противник бьет медленнее, но куда точнее – буквально насаживает его на рога и с разбегу впечатывает в одну из колонн – с мерзким влажным хрустом, от которого дрожь пробегает по хребту.

Кажется, и после этого Берс еще жив, но это уже неважно – вырваться у него уже нет шансов. Толпа на трибунах едва не сметает ограждения. Ор такой, что снова не слышно удара гонга, так что распорядитель дает знак подать повторный сигнал.

Тарраск, утробно рыча, продолжает мутузить останки Берса, таская их по всей арене, будто пытаясь нарисовать огненный узор. Впрочем, после смерти рыжего кровь его быстро начала затухать, а вскоре превратилась в обычные бурые пятна на песке.

Я поначалу, как и остальные зрители, потрясенно смотрел на беснующеся внизу чудовище. Но потом вспомнил про замеченную в начале боя странность и снова врубил медитацию, чтобы получше разглядеть течение Ци.

Вон он – тот едва заметный шлейф, что тянулся к арене с верхнего яруса зрительских трибун! Он все еще здесь. Только теперь он не связан с Берсом. Его конец вьется в паре метров над ареной и забирается все выше – будто кто-то вытягивает обратно тонкий щуп.

Я пытался разглядеть, куда именно ведет эта нить, но второй ее конец терялся где-то на восточных трибунах. Это не было похоже на заклинание. Скорее, некий магический канал связи между двумя объектами. Я такие частенько вижу – например, между игроками и их петами. Просто сейчас тот из объектов, что парил над ареной, был невидим.

Или просто так мал, что отсюда его не разглядеть!

Надо подобраться ближе. Я выстрелил Жалом в соседнюю балку – ту, что правее и чуть выше моей. В стиле Тарзана перемахнул дальше, запрыгнул на край дощатого яруса, торчащий чуть дальше перил, за которыми теснились зрители. Доски тут выпирали над пропастью буквально на полметра, но мне этого хватило за глаза. Пробежался по ним, снова выстрелил Жалом, цепляясь за очередную балку, подтянулся наверх...

Черт, только бы не упустить! Где эта хрень?

Усаживаться на балку и снова запускать Медитацию, чтобы обострить чувства, времени не было – магический щуп довольно быстро укорачивался. Если не разгляжу его прямо сейчас – он успеет втянуться на верхний зрительский ярус, а там попробуй-ка отыскать его в толпе!

Вон он! Кажется, теперь движется не вверх, а в сторону от меня, к центру арены. Ч-черт не дотянусь!

Это был один из таких моментов, когда сначала делаешь, а потом думаешь. Я прикинул расстояние до цели, скорость и направление ее движения...

Прыжок лягушки! Всплеск!

Зерно Парящего сокола давало мне возможность управлять скоростью полета в прыжке, но в сочетании со Всплеском я еще и на три секунды втрое увеличил показатель Ловкости. Не ради повышения скорости движений – в свободном полете это бессмысленно. Просто, когда

Ловкость у тебя больше тысячи – очень заметно увеличивается скорость реакции. Все вокруг будто бы в слоу-мо.

Вот и сейчас я взмыл над ареной, а время будто бы замерло. Даже шум толпы стал напоминать низкое протяжное гудение. Бледную, едва светящуюся нить Ци, тянущуюся к моей цели, в движении было сложно разглядеть. Но, кажется, я уже увидел саму цель. Что-то маленькое, мерцающее золотистым ореолом. Размером, пожалуй, с крупную муху. Или пчелу.

Да пчела и есть! Блестящая, металлическая, а брюшко переливается на солнце, будто из хрустала. И даже видно крошечные полупрозрачные крылышки, трепещущие в воздухе. Ну, это я сроду не разглядел бы, если бы не замедлившееся время.

Я долетел до цели как раз где-то в верхней точке траектории своего прыжка. Скорость полета я замедлил по максимуму, так что здесь почти завис на пару мгновений. Этого хватило, чтобы прицелиться и схватить странное насекомое.

Йеccc!

Ладонь кольнуло, будто булавкой, но я даже не обратил внимания на боль – настолько был захвачен азартом. Да я, блин, Гарри Поттер, поймавший свой первый снитч!

Вот только эйфория схлынула мгновенно. Собственно, сразу же, как кончилось действие Всплеска. Мир вокруг обрел свою привычную скорость, а сам я осознал, что прыгнул-то прямо к центру арены, пролетев добрый десяток метров. Жалом зацепиться не за что – не хватит длины, и путь один. Падать. В яму. Прямо к беснующемуся внизу тарраску.

На реакцию у меня осталось буквально пару мгновений, так что все, что я успел – это огласить арену коротким матерным вскриком.

Нет, похоже, сегодня и правда не мой день...

Глава 3. Полтергейст

– Док, когда ты наконец признаешься, из чего гонишь это пойло? – прокашлявшись, осипшим голосом спросил Берс и грохнул пустой железной кружкой по столу.

– Ну, немного того, немного сего... – уклончиво ответил некромант и покачал бутылкой, разглядывая ее на свет – видно, проверял, сколько осталось. – Пусть это остается моей маленькой тайной.

Бутылка была темно-зеленая, с квадратным доньшком и коричневой пергаментной этикеткой с оттиском в виде колючего цветка. Я недавно с удивлением узнал, что Док гонит свой самогон уже практически в промышленных масштабах и всюю продает игрокам через аукцион Гаракса. И, что самое удивительное, количество поклонников этого пойла с каждым днем растет. Если так дело пойдет, «Аленький цветочек» станет местным алкогольным брендом.

Хотя нет, это еще не самое удивительное. Он ведь и дерет за эту гадость чуть ли не по ползолотого за поллитровый флакон. И ведь покупают!

Я нюхнул содержимое своей кружки, и меня снова аж перекосило от запаха, а левый глаз задергался и заслезился. Но, надо признать, первая порция зашла очень здорово – по всему телу разлилось приятное тепло и легкость, а заглянув в интерфейс, я обнаружил на вкладке статуса с полдюжины неслабых баффов. Док постоянно совершенствует рецепт, да и собственное ремесло, так что зелья его получаются все мощнее и полезнее. И раскупают их, как горячие пирожки, явно не из-за вкуса.

Я, собравшись с духом, влил-таки в себя еще глоток и секунд на десять выпал из реальности. Дыхание перехватило, в глазах потемнело, а на языке будто бы жарили рагу с самым острым в мире перцем.

Уф... Да, дело тут явно не во вкусе.

– Давай еще по одной! – брякнул кружкой по столу Берс.

– Может, хватит? – осторожно возразил Док. – Ты же знаешь – эффект больше двух раз не стакается.

– А может, я просто нажраться хочу? – набычился рыжий.

Настроение у него было ни к черту, что неудивительно. И дело не только в том, что он облажался на глазах сотен игроков. Похоже, он поставил на свою победу немалые деньги, так что потери его были куда серьезнее, чем десяток-другой очков характеристик и уязвленная гордость.

Я тоже был подавлен и ошарашен, и вовсе не из-за того, что мне пришлось сигать на арену. Приземлился я более-менее удачно, а от разъяренного тарраска попросту сбежал – в скорости и ловкости ему со мной не тягаться. Потом пришлось немного побегать от неписей-стражников Мясорубки – распорядитель боев от моей выходки пришел в ярость и приказал схватить меня. Тот еще был аттракцион – с беготней по крышам, обманными маневрами, попытками скрыться в толпе. Все без толку. Неписи – народ настырный. Чтобы они отвязались, мне пришлось вообще выбежать за стены города. Там я и переждал около получаса, пока люди Молчуна не замяли этот вопрос. Штраф, видимо, за меня заплатили какой-то.

Пока отсидивался в пустошах, внимательно изучил свою добычу.

Это действительно было крохотное металлическое насекомое – что-то вроде пчелы. Очень красивое – легкое, ажурное, будто бы сотканное из тонких нитей. Золотые с черными полосками голова и грудь, кристаллическое брюшко – как крохотный пузатый флакончик. Лапки и тончайшие крылышки, увы, оказались повреждены при поимке. В итоге сам артефакт идентифицировался как обломки, и полное описание его было недоступно. Однако и того, что я прочитал, мне хватило, чтобы сидеть пару минут, вытаращившись в одну точку.

Обломки Золотого шершня. (Класс полного предмета – эпический). Материалы: золото, лунное серебро, горный хрусталь. Изготовитель: Джанжи Хэ.

Вот так поворот!

В ходе поисков легендарного мастера я много информации нарыл и по созданным им артефактам. Их было не так уж много, что неудивительно. Джанжи – этакий ксилайский да Винчи, он не разменивается на ремесленные поделки, а творит шедевры. И вот уже больше года по артарскому летоисчислению никто не слышал о его свежих работах. И это отлично сочеталось с моими предположениями о том, что мастер оказался случайно заперт в одном из подземелий и не может выбраться.

Однако эти крохотные блестящие осколки рушили всю мою теорию вдребезги. Ни о каком Золотом шершне я не слышал, это явно была свежая работа. И совсем не похожая на прежние изделия Джанжи Хэ. Он, конечно, любил экспериментировать, и его новое увлечение алантскими артефактами это только подтверждает. Но в первую очередь он прославился как искусный резчик по кости. Я не слышал, чтобы он работал с драгоценными металлами. И уж тем более – создавал такие странные штуки.

Восстановить описание шершня мне не удалось, но то, что я увидел на арене, более-менее объясняло принцип действия этой штуки. Он летит к цели, забирается под доспех и жалит. Брюшко у него полое, в нем явно какой-то яд. Даже, кажется, чуть-чуть осталось – сквозь прозрачные стенки чернеет маленькая тягучая капля.

Да, похоже, все именно так. Яд объяснил бы падение статов Берса во время боя. При этом выходит, что манипуляция этим артефактом не воспринимается защитными системами арены, как прямое воздействие на игрока извне. Они на него вообще не реагируют.

Я здорово загрузился по этому поводу, да и до сих пор не мог отогнать от себя эти мысли. Несмотря на гвалт и неразбериху, царящую в «Треснувшем гарпуне», я был так погружен в себя, что почти не обращал внимания на то, что творилось вокруг.

«Гарпун», кстати, оказался самым странным кабаком из всех, что я видел в Артаре. Он и на кабак-то не был похож. Скорее на какую-то тюрьму. Этакий темный подвал с кирпичными стенами, низким сводчатым потолком и земляным полом, утрамбованным до каменной твердости. Длинный, узкий, будто коридор, и заметно изгибается влево. Насколько я понял, за левой стеной располагается арена Мясорубки, а подземелье это опоясывает её по кругу. И лишь часть его отведена под это заведение. Остальные помещения – это комнаты для подготовки бойцов и подземный зверинец. Из темных глубин то и дело доносятся разносимое эхом рычание, шипение, лязг и тому подобные звуки, от которых с непривычки подскакиваешь и тянешься к оружию. Но для местных завсегдатаев это, видно, вместо традиционной трактирной музыки.

Кабак был отгорожен от остальных помещений толстенными железными решетками. Еще одна такая же отсекала часть зала, похоже, вырытую позже – стены там были обложены свежим кирпичом, а кое-где еще и вовсе чернела земля. За решеткой тянулась длинная деревянная стойка, похожая на барную, но вместо выпивки за ней высились стальные ящики, а на видных местах висели большие грифельные доски, испещренные какими-то цифрами. Здесь, как нетрудно догадаться, принимали ставки. А трактир – так, придаток. Пару десятков простых дощатых столов, колченогие лавки, алантские магические светильники в виде продолговатых кристаллов, заключенных в медную оправу. И – ни одной официантки, зато добрый десяток неписей-вышибал. Впрочем, похоже, тут большинство посетителей, как и мы, приносят выпивку с собой.

Народу было много, но в основном все столпились возле букмекерской стойки. Когда мы только пришли, галдеж там стоял такой, что собственные мысли было плохо слышно. Видимо, не только сам Берс прогорел на ставке. Находились даже те, кто узнал его и попытался высказать ему свое возмущение. Заканчивалось это плохо. В лучшем случае, игрока оттаскивал кто-

то из вышибал, в худшем – Берс сам хватался за хопеши. До смертей дело не дошло, но покуролесили изрядно – в радиусе пяти метров от нас не осталось ни одного целого стола.

Сейчас все более-менее устаканилось, да и посетители потихоньку рассасывались. Уже даже можно было разговаривать нормально, не перекрикивая шум толпы.

– Ну, а на тебя чего нашло, Мангуст? – придвинулся ко мне Стинг. Ему, похоже, в отсутствии официанток было скучно.

– Ты с какого перепугу на арену-то сиганул? Джерри Крашу решил подражать?

– Что за Джерри Краш?

– Не слышал, что ли? У него канал свой, видео записывает из Артара.

– Дневник самоубийцы, – подсказал Док.

Я пожал плечами. Я много чего смотрю по Артару, но в последнее время интересовался в основном сведениями о Джанжи Хэ и о следах алантской цивилизации.

– Тип есть один, с месяц назад появился в игре. Поставил программу себе для захвата видео из Артара. Знаешь, есть такие навороченные – маленькие дроны вокруг тебя летают, снимают с разных ракурсов, пока ты играешь. А потом можешь монтировать видео.

– Знаю, конечно. Полно уже стримов из Артара.

– Ну, стримить напрямую из игры нельзя, но видео записывать можно. Но не суть. Обычно-то на таких видео какие-нибудь свои героические похождения показывают. Но Краш просто творит какую-то дичь. То с маяка Золотой гавани спрыгнет, то стаю грызлов на себя сагрит, то стражников раздражит...

– Мазохист, что ли?

– Да черт его знает. В общем, уokoшывает себя всякими затейливыми способами. Что-то типа челленджей у него. Ему подписчики идеи подбрасывают, а он и рад стараться.

– Я вот только не пойму, как он это делает. Это ж больно, – поморщился Док. – Он что, псих?

– Болезнь же у него какая-то генетическая. Редкая очень. Боли не чувствует вообще, и в Артаре тоже. Ему вон копьё в пузо загоняют, а он только ржет. Ну, и комментирует все на камеру. Кстати, потешно. Чувство юмора у него специфическое.

– И что, целый месяц уже такой фигней мается? – спросил я. – Так он и не прокачается нифига.

– Конечно. Он же помирает по десять раз за сессию, так что статьи выше стартовых у него никогда не поднимаются. Да ему и не надо. Он уже несколько миллионов подписчиков собрал, рекламу на канал подтягивает. К славе идет парень. Я думал, тебе интересно такое. Ты же вроде бы сам такой канал с трюками всякими мутил. Ну, без самоубийств, конечно. И в реале.

Я вздохнул. Тут Стинг давил мне на большую мозоль. С тех пор, как я получил доступ в Артар, ни одного нового ролика на моем канале не появилось. Да и не предвидится. Виртуальный Мангуст окончательно перетянул одеяло на себя. Хотя, может, это и к лучшему.

– Ну где там уже Молчун? – прикончив очередную порцию «Аленького цветочка», проворчал Берс. Язык его уже заметно заплетался.

Будто дожидаясь этой его фразы, к нашему столу подошел громила в вороненых доспехах с глухим заостренным вперед шлемом, похожим на маску средневекового чумного доктора. Габаритами он был, пожалуй, с нашего Данилу, даже чуть повыше ростом. Не произнес ни слова – просто остановился рядом, нависая над нами, как башня.

Я слышал про него. Грач. Личный телохранитель Молчуна.

Убедившись, что на него обратили внимание, он мотнул головой, давая нам знак следовать за ним.

– Что, всем сразу? – переспросил Док, но великан уже зашагал вперед, не дожидаясь нас. Пришлось быстро сгребаться и следовать за ним.

В дальнем конце залы, там, где заканчивалась стойка, в стене виднелась неприметная дверь, сплошь обитая железными листами и покрашенная так, чтобы сливаться по цвету со стеной. Когда верзила открыл ее, обнаружилось, что толщиной она сантиметров тридцать, и с внутренней стороны тоже обита броней. Даже крошечного смотрового окошка не было. Будто в сейфе каком-то.

Грач пропустил нас вперед и протиснулся следом. Для этого ему пришлось основательно пригнуться. Заперев дверь, он снова молча мотнул головой, показывая дальше по коридору.

Здесь, похоже, было что-то вроде сокровищницы, переделанной не то из тюремных камер, не то из гладиаторских. В тесных каменных мешках, отгороженных от коридора толстыми решетками, темнели какие-то сундуки и ящики. Было их довольно много, и я не удивлюсь, если часть из них доверху забита имперскими монетами и золотыми слитками. Молчун тот еще Скрудж МакДак.

В недрах этих катакомб спрятался небольшой, но богато обставленный кабинет. Огромный полированный стол, картины с пейзажами Артара на стенах, множество светильников в вычурной оправе. Кресла – резные, с подушками, обтянутыми красным бархатом. Настоящие троны. Правда, было их всего два, и в одном из них сидел сам Молчун. Грач закрыл за нами дверь, и мы замешкались, поглядывая на свободный стул. В конце концов, на него плюхнулся Стинг.

Молчун, как обычно, был непробиваем – лицо, будто восковая маска, взгляд спокойный и неподвижный, как у удава. Но чувствовалось, что в этот раз ему сложно сохранять невозмутимость.

– Что случилось, Константин? – спросил он, не тратя время на свои излюбленные драматические паузы.

Берс раздраженно хмыкнул.

– Да откуда я знаю? Дебафф какой-то словил непонятный. Попробовал отпиться зельем. Сначала вроде помогло, а потом... Хрень какая-то. Как в том анекдоте про лося – я все пью и пью, а мне все хуже и хуже.

– Яд, – сказал я.

– Тарраск не ядовит, – покачал головой Док.

– Да он меня и не задел, – поддакнул Берс. – И после боя я логи проверил – не было сообщений об отравлении.

– Точно? – удивился я.

– Ты знаешь что-то, чего не знаем мы? – спросил Молчун. – И, кстати, ты-то что там вытворял под занавес? Нахрена прыгнул в яму?

– Ловил кое-что.

Я достал свой трофей и аккуратно выложил на стол.

– Док, глянь. Сам я идентифицировать не смог. Инты не хватает, наверное.

Мы все сгрудились вокруг стола, разглядывая драгоценную диковинку. Берс потянулся было к ней, но Док шлепнул его по руке своим жезлом из ветки Джубокко.

– Не мешайте! – прошипел он, склоняясь к самой столешнице.

– Ну, чего там? – не выдержал Стинг.

– Обломки Золотого шершня, – пожал плечами Док. – Крафтовый артефакт, изготовитель – Джанжи Хэ. Ксилай какой-то, очевидно. Все, больше ничего не дает. Чтобы полное описание артефакта получить, нужно его починить. Но я даже не знаю, кто бы мог за такое взяться. Это как блоху подковать.

– Как ты разглядел-то эту штуку? – уважительно хмыкнул Берс. – Еще и на лету поймал...

– Засек по нити Ци. Это такая... Ай, долго объяснять. В общем, я почти с самого начала боя видел, что что-то не так. Ты постепенно слабел – как будто у тебя характеристики срезали.

И от тебя к зрительским трибунам тонкая магическая связь тянулась. Точнее, не от тебя, а от этой штуки.

– То есть кто-то посадил ему этого жучка? – подытожил Стинг. – Первый раз слышу про такой фокус. Но почему защитное поле арены не сработало?

Я развел руками.

– Там внутри, кажется, действительно осталось немного яда, – разглядывая шершня, пробормотал Док.

– Да что ж за яд-то такой, который в логах не отображается? – разозлился Берс. – Ты же сам алхимик. Подскажи!

Док задумчиво прошелся по комнате, потирая бороду. Жезл его, будто почуяв, что хозяин отвлекся, зашевелил своим деревянными пальцами и чуть не ухватил Стинга за нос. Некромант, спохватившись, засунул зловредный артефакт под мышку – так, чтобы он не мог ни до кого дотянуться.

– Ну, теоретически... Если постараться... Хотя нет, бред какой-то...

– Да говори уже! – не выдержал Стинг.

– Я и говорю! Чисто теоретически – да, можно сделать такой яд, который не отобразится в посмертных логах. Просто это будет не совсем яд.

– А подробнее? – прищурился Молчун.

– Ну, алхимия – вообще жутко сложное ремесло. Это со стороны все просто – мешаешь все подряд, и все. Но у каждого ингредиента бывает по несколько свойств, и сочетаются они между собой порой непредсказуемо. Приходится постоянно экспериментировать, искать нужные пропорции и все такое. И чем сильнее и ценнее ингредиенты – тем сложнее их сочетать...

Я вместе с остальными терпеливо слушал Дока, хотя пока не понимал, куда он клонит.

– На первых порах сварить полезное зелье вообще сложно, – продолжал он. – Скорее всего, оно одновременно будет обладать и полезными, и вредными свойствами. Ну, к примеру, даст бонус к регенерации, но в то же время добавит уязвимости к огню. Или снижение входящего магического исцеления. Или, например, варишь яд, а он одновременно травит и ману восстанавливает.

– Я помню, – хихикнул Стинг. – Мы первое время от твоих микстур, по-моему, чаще дошли, чем вылечивались.

– Ну, это пока я дистиллятор не купил и нужные умения в ветке алхимии не прокачал. Мастерство алхимика как раз в том и состоит – чтобы нужные эффекты на зельях и ядах усиливать, а ненужные – ослаблять или убирать вообще.

– Ну, и?

– Есть несколько категорий продуктов – яды, эликсиры, взрывчатка и так далее. Так вот, в логах остаются только сообщения об отравлении ядами, потому что это считается атакующим действием. А если хлебнуть эликсира, у которого среди эффектов есть негативный – то этот эффект просто отобразится на вкладке статуса вместе с остальными. А после смерти эта пометка исчезнет, как и все остальные баффы и дебаффы.

– А что, все сходится! – поддакнул Стинг. – Тогда понятно, почему эту штуку пропустило защитное поле. Не засебло угрозу.

– К тому же, шершень сидел на Берсе уже с самого начала боя, – добавил я. – Просто был неактивен. Так что система его восприняла, как часть снаряжения.

– Угу, – кивнул Док. – Причем он явно многоцветный. В смысле – кусает с небольшой периодичностью, впрыскивая микродозы зелья. И дозы эти накапливаются, накапливаются...

– Хитро, – хмыкнул Стинг. – Это вроде как кто-то шептунов пускает потихоньку. Вроде ни звука – а через пару минут в комнате уже дышать нечем.

– Очень образно, – поморщился Молчун.

– Ну, Стинг прав. Правда хитро придумано. Тут даже противоядия и баффы исцеляющие не помогут. У них ведь тоже откат есть. А тут – только избавишься от отравления, а шершень этот опять кусь. И действие постепенное, накопительное – не сразу и сообразишь.

– Берс, так ты чего же – и не чуял, как тебя эта штука жалит?

– Ни хрена я не чуял! – огрызнулся рыжий. Язык у него все еще заплетался от выпитого. – И вообще я что-то ничего уже не понимаю. Яды, эликсиры... Какая, нахрен, разница, если результат-то один?

– Яд – это отдельная категория зелий, которая направлена на нанесение урона жертве, – терпеливо объяснил Док. – А тебя, похоже, траванули эликсиром, в котором на максимуме негативные эффекты, а полезный – наоборот, почти не выражен. Правда, я даже не знаю, как это нужно извратить, чтобы сварить такой эликсир. Это же... все с ног на голову! По идее, чтобы на зелье отрицательный эффект получить, варить его должен полный нуб в алхимии. Но как тогда получить такую охрененную концентрацию? Да и силу самого эффекта... Ничего не понимаю...

– Ладно, хватит теорий! – прервал его Молчун. – Там ведь, кажется, немного осталось еще? Сможешь выяснить, что это за дрянь, из чего сделана? Нам зацепки нужны.

– Ага, в лабораторию медэкспертизы сдам, экспресс-анализ проведем, – саркастически фыркнул Док. Но, поймав тяжелый взгляд Молчуна, сник и виновато закивал:

– Да, конечно, попробуем. К тому же, это ж Гаракс. Алхимическая столица Артара, можно сказать. Надо попробовать обратиться к Чорхголоту. Это непись, магистр алхимии.

– Займитесь этим, – кивнул Молчун. – Прямо сейчас. Еще есть какие-то зацепки? Мангуст?

– Да, есть еще кое-что. Я ведь вам рассказывал про того непися, что я ищу в последнее время...

– Тот ксилай?

– Да. Похоже, это он изготовил эту штуку.

Молчун протяжно вдохнул воздух носом, пряча раздражение.

– Ясно. Ладно. Док, Берс, Стинг – вы пока свободны. Подождите в «Гарпуне». Мангуст, тебе помощь этих балбесов понадобится в ближайшее время?

– Да, не помешала бы.

– Хорошо. Тогда до конца сессии ни на что не отвлекаетесь, помогаете Мангусту. Леонида я поставлю в известность. И обо всем, что сейчас обсуждалось здесь – никому за пределы гильдии ни слова! Надеюсь, это понятно?

Псы поспешно закивали и, едва не сталкиваясь плечами в узком дверном проеме, поспешили наружу.

– Садись, – коротко бросил Молчун. – Рассказывай.

Я вкратце поведал ему все, что знал о Джанжи Хэ и поделился скромными итогами своих поисков. Он слушал, не перебивая. Глядел в стол, неслышно постукивая по лакированной столешнице кончиками пальцев.

– Всё? – переспросил он, когда я закончил.

– Пока да.

– Проверьте эту шахту в Паучьем каньоне сегодня же. О результатах доложишь лично мне. Созвонимся в реале.

– Всё... так серьезно? – осторожно спросил я. – Может, хотите что-то сами рассказать?

– Серьезно ли всё? Сам-то как думаешь? – раздраженно отозвался он, но быстро взял себя в руки. Дальше говорил своим фирменным тоном – мягким, вкрадчивым.

– Ты ведь осознаешь, что сегодня произошло там, в яме? Кто-то извне повлиял на исход боя.

– Угу. Хотя, конечно, не факт, что Берс выиграл бы. По-моему, он здорово рисковал.

– Шансы у него были неплохие, иначе бы он не поперся на арену. Но дело даже не в этом. Если кто-то узнает об этом...

Он поджал губы, будто одергивая сам себя, и продолжил после изрядной паузы.

– Если кто-то узнает о том, что вообще есть хотя бы теоретическая возможность незаметно вмешиваться в бои на аренах Артара – это будет означать крах всего нашего букмекерского бизнеса. Это-то ты понимаешь?

Я кивнул.

– Я, конечно, слегка драматизирую. Но только слегка. А по поводу этой штуки... – он постучал пальцем по столу рядом с обломками шершня. – Все, что ты рассказал про этого виртуоза ксилайского – это, конечно, здорово. Но я тебе одно скажу. Пусть изготовил эту букашку твой кошак. Но придумать её мог только человек. Тот, кто целенаправленно искал лазейку в игровой механике.

– Думаете, это кто-то из ваших конкурентов?

– У меня нет конкурентов на этом рынке, – отрезал Молчун. – Я пришел сюда первым, а всех, кто пытался соваться позднее с попытками выстроить свои системы тотализаторов – давил сразу же. В реале есть несколько сайтов, которые тоже принимают ставки на бои в Артаре. Но в игре их представителей нет. Да и не стал бы никто из конкурентов заниматься такими вещами. Жульничество на боях обрушит весь рынок.

– Тогда кто?

Он снова засопел, явно сомневаясь, стоит ли делиться со мной. Но, наконец, выдал из себя единственное слово.

– Полтергейст.

Я молчал, но, похоже, выражения моего лица было достаточно, чтобы понять, что я-то как раз не понимаю ни черта.

– Мои аналитики так окрестили этого типа, – нехотя продолжил Молчун. – Ну, или группу. Мы ничего о них не знаем. Даже сколько их. Замечаем только следы их деятельности. И вот это...

Он снова постучал пальцем, указывая на шершня.

– Это чуть ли не первая вещественная улика, которая попала нам в руки. Пока что были только смутные подозрения.

– Например?

– Ну, скажем, сюда я сегодня явился лично, потому были подозрения, что с этим боем что-то пойдет не так. Структура ставок как-то странно поменялась. И в итоге кто-то очень неплохо заработал на проигрыше Берса.

– Так не стоит ли проверить, кто именно ставил против него?

Молчун снисходительно улыбнулся.

– Естественно, мы все это проверяем. И там все не так просто. Если это дело рук Полтергейста, то он хорошо замечает следы. Наверняка не обошлось без кучи подставных лиц, через которых делались ставки. Но мои люди этим займутся. У тебя – другая задача.

– Ах, да. Док сказал, что вы хотели со мной поговорить. Еще до этой заварухи с Берсом.

– Да. Но, похоже, что тут все может быть взаимосвязано.

Он порылся где-то под столом и выложил на стол необычную монету. Темно-серую, почти черную. На лицевой стороне скалил зубы человеческий череп с маленькими рубинами вместо глаз.

– Знаешь, что это такое?

Я пожал плечами.

– Это Череп Моргулиса. Но игроки, да и неписи, чаще всего называют эти монеты просто черепами. Валюта Банд.

Ах, да. Слышал я про эти штуки, просто видеть пока не доводилось. Это особые монеты. Получить такую можно, только оказав ценную услугу Бандам. И доступ к квестам, которые позволяют заработать черепа, открывается только тем, у кого репутация с Бандами прокачана хотя бы до Дружелюбия. Не говоря уж о том, что самих квестов ограниченное количество, и они весьма непростые. Но награда того стоит – на особую валюту и товары можно купить особые. Те, что не продаются за золото. О тайном ассортименте торговцев Гаракса, например, целые легенды ходят.

– Эти монеты – ограниченный, и поэтому очень ценный ресурс. Если и появляются на открытом аукционе – то по цене в семь-восемь сотен золотых за штуку. Но даже в этом случае надолго не задерживаются. Да и сами квесты на их добычу тоже расписаны на недели вперед. По крайней мере, те, которые выдает Черный спрут, Джокеры и другие банды побережья.

– Ну да, могу себе представить.

– Нам определенный запас этих монет тоже пригодится. Но в открытую соваться в эту борьбу за черепа я, конечно, не могу. Поэтому мы с Чингизом разработали по этому поводу особый план.

Молчун указал на стену слева от себя – там висела большая карта Артара.

– Ты же примерно представляешь зону влияния Банд? Понятно, что эта фракция по всему Артару представлена. Но контролирует она только территории на северо-восточном побережье и вокруг Гаракса. А еще – немного вот здесь.

Он поднялся и ткнул пальцем в изображение заснеженного горного массива на северо-западе материка.

– Это Ледяной хребет. Северная граница Фроствальда. Во Фроствальде почти нет разумных неписей, но там орудует небольшой клан неписей, тоже относящийся к фракции Банд. Они зовут себя Зверобои.

– И вы решили пофармить черепа у них?

– Верно. Фроствальд – очень тяжелый регион, куда хлеще Уобо. Игроки туда вообще не суются пока. Там даже просто находиться не получится без особого снаряжения. Даже у Трех клыков – это вот здесь, на южной границе – всегда градусов двадцать мороза. А у Ледяного хребта – весь полтинник. Так что мы рассчитывали оказаться там первопроходцами.

– И что, нарвались на других игроков?

– Нет, но... Местные обитатели, скажем так, приняли нас очень недружелюбно. Подозрительно недружелюбно. Пришлось свернуть операцию.

– И как это связано с...?

– Подумай. Ты же помнишь наш разговор тогда, полтора месяца назад, во время заварушки в Уобо? Мы договорились, что ты будешь расследовать для меня дела, связанные со странным поведением неписей. И вот тут – как раз тот самый случай. В свое время мы ведь сами умудрились заключить договор с ванарами. В итоге с их помощью три игровых месяца не подпускали никого к Уобо. Вдруг и во Фроствальде кто-то провернул что-то подобное? Думаешь, мы одни такие умные?

– Или такие везучие, что именно нам такие неписи попадаются? – усмехнулся я.

– С этим, кстати, все сложнее. Мне тут как раз удалось получить консультацию одного вирт-дизайнера, который работал над созданием Артара. Я попытался выведать у него про такие заскоки в поведении неписей. В итоге многое пересмотрел в своих планах и стратегии.

– Не поделитесь? Мне, наверное, тоже полезно будет узнать. Учитывая мое задание.

– Если в общих чертах – ты был прав. Я раньше относился к неписям просто как к функциям. Как к части интерфейса. Но тут уже совсем другие технологии. Они... действительно практически разумны. Так что с ними надо выстраивать отношения так же, как с людьми. Да, их поведение во многом регулируется заранее прописанными скриптами. Но это в основном касается конкретных квестов. В остальных ситуациях они ведут себя в соответствии с задан-

ными чертами личности. Мало того – самообучаются и меняются в соответствии с полученным опытом.

– Даже если это вдруг противоречит квестовым скриптам? Как в случае с Дракенболтом?

– Если поведение неписей слишком уж выбивается из той роли, которая ему отведена – им занимаются Призраки. Чаще всего достаточно его перезагрузить. То есть убить. Тогда сотрется та часть его памяти, что была накоплена за время самообучения, и он вернется к начальным настройкам.

– Но неписей же нельзя убить?

– Призраки – могут. У них для этого есть специальный интерфейс.

– Интересно, а как же тогда с Хануманом? Выходит, шаманы действовали в верном направлении. Но смогли ли они убить его?

– Ну, по крайней мере, он нас не беспокоил все то время, пока мы держали базу в Уобо, – пожал плечами Молчун. – На эту обезьяну мне сейчас, если честно, плевать. Меня больше беспокоит Фроствальд.

– Думаете, и правда кто-то натравливал местных неписей на Чингиза?

– Вот ты это и выяснишь. Я пока отозвал его отряд из региона. Думаю, там нужно действовать осторожнее. Одиночка привлечет меньше внимания. Попробуй потихоньку исследовать регион.

– А как же поиски Джанжи Хэ?

– Я, может, плохо тебя слушал. Но, кажется, ты говорил, что кошка твой исчез где-то на севере? А что уж может быть севернее Ледяного хребта? Но на всякий случай, конечно, проверь ту шахту, в которую ты все не мог добраться. И к алхимику, про которого говорил Док, загляните. Я пока подготовлю для тебя подарочек. Снаряжение для путешествия по Фроствальду. Зайди сюда ближе к вечеру. Грач передаст тебе пакет.

– Спасибо.

– И это не забудь, – указал он на стол. – Череп, кстати, тоже заведи. Думаю, пригодится, когда доберешься до Зверобоев. За эту монету можно одним махом поднять репутацию на сотни пунктов. Только не потеряй!

Я кивнул и сгреб вещички в инвентарь.

– И что же, мне действовать совсем одному во Фроствальде? – спросил я уже у самой двери.

– Если понадобится помощь – дай знать. Но старайся там особо не куролесить. Нам разведчик нужен, а не слон в посудной лавке.

– Мамонт, – буркнул я.

– Что-что?

– Я говорю – скорее уж мамонт. Слоны в такой холодрыге не водятся.

Глава 4. Секретный ингредиент

– Хм... Романтичненько, – хмыкнул Стинг, оглядывая открывшуюся перед нами картину.

Характеристика была, мягко говоря, спорной. Колодец вывел нас в длиннющий темный туннель со сводчатым потолком и глубокой канавой посередине. В канаве плескалась вода, смешанная с нечистотами, и аромат от нее шел соответствующий. С потолка через неравные промежутки свисали на цепях алантские кристаллы-светильники – в Гараксе чаще всего используют либо их, либо жутко коптящие керосинки, топливо для которых гонят из местной нефти.

Света от кристаллов хватало лишь на то, чтобы совсем уж не потеряться. Они размещались в основном рядом с боковыми ответвлениями, а также в местах, где через канал были переброшены мостики. Между этими островками света передвигаться приходилось практически на ощупь. Зажигать свои факелы не хотелось – нам ни к чему привлекать лишнее внимание.

Места по бокам от канала была немного, так что шли мы вереницей друг за другом. Док – впереди, как единственный, кто знает дорогу. Потом я, потом – Стинг. Берс остался наверху – к Чорхголоту можно брать не больше двух сопровождающих.

Мастер этот, судя по рассказам Дока – очень крутой непись. Чтобы просто войти в список его клиентов, ему нужно заплатить Черепом Моргулиса. И это притом, что цены на сам его ассортимент тоже космические, а некоторые товары и вовсе за золото не купишь. Правда, непонятно, какого черта он тогда устроил свое логово именно здесь, в катакомбах под городом.

Слева от нас что-то громко плюхнуло. Света ближайшего кристалла хватило, чтобы разглядеть взъерошенную рыжеватую крысу, переплывающую канал и выбирающуюся на противоположную сторону. Все бы ничего, но размером она была с небольшую собаку, так что по спине у меня пробежали мурашки размером с воробья.

– Далеко нам идти-то, Док? – спросил Стинг.

– Не очень. Вы только не отвлекайте меня, а то нужный поворот пропустим. Эти туннели на основной карте не отображаются. А самое главное – старайтесь помалкивать, когда до места доберемся. Характер у Чорхголота скверный. Даже когда его клиентом становишься – всего лишь поднимаешь репутацию от Вражды до Неприязни. А уж на вас он может и напасть за один косой взгляд.

– Не слишком ли он борзый для неписи? – хмыкнул Стинг. – Может, ему пару стрел в пузо вогнать?

– Только попробуй! – зашипел на него некромант. – Или держи себя в руках, или к Константину возвращайся. Тут дипломатичный подход нужен.

– Да шучу я, шучу. Будет тебе дипломатичный подход. Но он вообще захочет нам помогать-то?

– Да вот не факт. Вредный он жутко. И вопросов лишних не любит.

– Как же ты тогда собираешься у него хоть что-то выведать?

– Есть одна идея. Подыграете мне, затем я вас и взял. Ну, и для защиты, конечно. Здесь небезопасно.

– Что за идея-то?

– Да так... Эта жабья морда очень тщеславна. Надо попробовать на этом сыграть.

Дальше мы пробирались молча – частично из-за конспирации, но по большей части потому, что было не до разговоров. Идти приходилось, постоянно приглядываясь себе под ноги, чтобы не наступить во что-нибудь такое, во что наступать очень бы не хотелось. Мимо то и дело шмыгали огромные крысы, а пару раз неподалеку шастал кто-то явно покрупнее.

Идти, вопреки заверениям Дока, оказалось довольно далеко – мы минут двадцать плу-тали по этому лабиринту. Не исключено, что Сергеич просто немного заблудился, но не пода-вал вида.

Я впервые был в этих катакомбах и удивился тому, что, оказывается, они довольно густо населены. Чорхголот был далеко не единственным неписем, который устроил тут штаб-квар-тиру. По пути нам попадались ответвления, ведущие во вполне обжитые подземелья, не лишен-ные даже своеобразного уюта. Если, конечно, смириться с полутьмой и вездесущим запахом гнили и нечистот. Тут были и склады, и тюремные камеры, и что-то вроде казарм для непи-сей-стражников Гаракса, и подозрительного вида часовни с алтарями, темными от бурых под-теков. И даже, кажется, что-то вроде подземного борделя. Судя по гравюрам, размещенным рядом с вывеской, специализировалось заведение на теме БДСМ. Стинга эти рисунки жутко заинтересовали, так что отгонять его от дверей вертепа пришлось едва ли не пинками.

– Не, ну давайте хоть ненадолго заглянем? – уговаривал он Дока, пока тот волок его за шиворот. – Хоть одним глазком, а?

– Вот это уж как-нибудь без нас!

Наконец, мы в очередной раз свернули из туннеля основного коллектора в один из боко-вых проходов. Он поначалу показался тупиковым, однако в глухой на вид стене обнаружился проход – участки стены просто заходили одна за другую. Мы протиснулись в него друг за дру-гом и оказались в круглом зале с большущим колодезцем метров этак трех в диаметре. В цен-тре колодца был установлен каменный столб, вокруг которого завивалась винтовая лестница с ржавыми решетчатыми ступенями. Из зала в три стороны отходили боковые коридоры. Один из них явно вел в большой коллектор – оттуда доносился плеск воды.

– Нам вниз, – пояснил Док и первым загремел каблуками по ступеням.

Колодец, к счастью, оказался не очень глубоким и вывел нас в почти такой же круглый каменный мешок, что и наверху. Только здесь никаких ответвлений не было, а напротив спуска с лестницы нас ждала окованная железными полосами дверь, подсвеченная зеленоватыми кри-сталлами.

– Ну, вот и пришли.

– И что, у этого заведения даже вывески нет? – проворчал Стинг, опасливо косясь на угловатые конструкции, таящиеся в полумраке по обе стороны от двери.

Приглядевшись, я понял, что за пределами тускло освещенного участка от лестницы до двери скрывается полдюжины алантских големов. Судя по имеющимся у них диаграммам Ци – мобы вполне на ходу, просто не двигаются. Однако им ничего не стоит ожить и наштапковать нас ржавыми болтами или порубить на куски не менее ржавыми тупыми секирами.

– Аккуратнее! – подтвердил мои опасения Док. – Тут полно ловушек. Шаг влево, шаг вправо – и активируете защитную систему. И – да, вывески тут нет. Чорхголоту она ни к чему. Его клиенты и так знают, как его найти. А случайных посетителей он не любит.

– Да я уже заметил, – скривился Стинг, перешагивая человеческий скелет в лохмотьях, валяющийся неподалеку от входа в лабораторию.

Дверь была немного приоткрыта, и из щели сочился зеленоватый свет.

– Странно, – шепнул Док. – Обычно он запирается на все засовы. Сроду не достучишься.

Внутри я ожидал увидеть что-то вроде ведьмовского логова – с пучками сушеных трав, тушками жаб и летучих мышей, подвешенных за лапки. И обязательно с огромным котлом, в котором булькало бы какое-нибудь зловеще дымящееся варево. Ну, или что там еще приходит в голову при слове «алхимия»?

Однако мы оказались словно бы внутри огромной железной цистерны с изрядно поби-тыми ржавчиной стенками. Вдоль стен, насколько хватало глаз, виселись полки, едва не про-гибающиеся под тяжестью бесчисленных стеклянных и глиняных сосудов. Часть из емкостей была пуста, а в остальных хранилась всякая всячина – от вполне безобидных разноцветных

порошков и жидкостей до гадости вроде глазных яблок, личинок насекомых или маленьких осьминожьих щупальцев.

Я даже рад был, что из-за тусклого освещения большинство ингредиентов, особенно на верхних полках, было не разглядеть толком. Подходить ближе тоже желания не было. К тому же, в метре от полок высилось ограждение – хлипкое на вид, но четко ограничивающее запретную зону. Как в музее каком-нибудь. И даже охрана имелаась – небольшая алантская турель со скрипом повернулась в нашу сторону, едва мы вошли, и нацелилась на нас оголовками здоровенных, как гарпуны, стрел.

Оглядевшись, я понял, что первое впечатление про цистерну было не обманчивым. Потолок здесь был куполообразным и, как и стены, обшит листами желто-коричневого металла, популярного у алантов – не то медь, не то латунь. Мы будто оказались внутри гигантского старинного чайника. Каждый наш шаг отдавался здесь гулким эхом. И даже отверстие в потолке имелось – круглое, забранное решеткой. Где-то далеко наверху маячило пятно света. Похоже, там был колодец, ведущий напрямиком на поверхность.

Полки с ингредиентами занимали всю нижнюю часть стен лаборатории, опоясывая ее по кругу. Разрыв был только в дальнем конце залы – там, где в стене зияло с дюжину отверстий разных размеров. Некоторые из них представляли собой топки печей – внутри там полыхал огонь. Из других сочился не то пар, не то дым, а из одной и вовсе перла какая-то пузырящаяся жижа. Огромный стол рядом с этими печами был заставлен каким-то немыслимым нагромождением стеклянной и медной утвари, а под ним были свалены в кучу толстенные фолианты и свитки.

И всюду были коты. Их было штук десять, не меньше, и это только тех, что на виду. Здоровенные, как мейн-куны, самых разных расцветок. Большинство из них дремало, развалившись в самых неожиданных местах и в самых причудливых позах. Двое суетились в дальнем конце зала, с урчанием и хрустом вгрызаясь в распотрошенную рыбину. На наше появление отреагировал только один – угольно-черный, гладкошерстный, с вытянутой мордой и острыми, чутко поднятыми ушами, издав издавками похожими на рога. Он восседал на стопке старинных книг у правой стены, подобрал под себя лапы, и косился на нас недобрым взглядом.

Светильников было много, но это были все те же алантские кристаллы, дающие зеленоватый рассеянный свет. Вроде бы и рассмотреть при нем все можно было, и даже, пожалуй, читать. Но он был таким невнятным, что предметы даже теней не отбрасывали. И все в этом свете казалось каким-то призрачным, зыбким. У спутников моих лица и вовсе были, как у утопленников. Хотя, надо признать, Док в таком антураже смотрелся даже харизматичнее. Особенно с этой своей шевеливающей третьей рукой, которую он пока закинул за пояс.

В центре залы было что-то вроде подковообразной деревянной стойки, раскрытым концом развернутой к дальней стене. За стойкой никого не было видно, кроме рыжего кота, растянувшегося на краю и свесившего вниз одну лапу и хвост. Зато слышалось приглушенное кряхтение и тяжелые шаркающие шаги. Подойдя поближе, мы увидели, что там скрывается ход на нижний этаж – узкий, темный, как нора. По решетчатым железным ступеням, похоже, кто-то поднимался. Кто-то грузный, ворчливый и страдающий одышкой.

Хозяин появился, наконец, из-под земли, таща под мышкой какой-то сверток из серой, похоже на мешковину, ткани. Я с трудом удержался от того, чтобы выхватить оружие. Да и у Стинга, как я заметил, рука тоже непроизвольно потянулась к луку. Док, будто предвидя нашу реакцию, предупреждающе зашипел, прикладывая палец к губам.

– Да будут очи твои зорки, а пальцы ловки, магистр Чорхголот, – поклонился Док.

Про очи и пальцы он, конечно, здорово польстил. То, что вылезло сейчас из-под земли и предстало перед нами... В общем, лучше бы это вообще не вылезало.

Человека прославленный алхимик напоминал лишь отдаленно. Это была приземистая туша весом, пожалуй, центнера в два. Тяжелые жировые складки на его необъятном брюхе

лежали ярусами, одна над другой, и были едва прикрыты неким подобием кожаного фартука с карманами. Кожа была землистого серо-зеленого цвета, еще и сплошь покрыта не то прыщами, не то бородавками разных размеров.

Лица под копной темных спутанных волос поначалу было и не разглядеть. Впрочем, и разглядывать-то его не хотелось – действительно, жабья морда. Огромный безгубый рот, бородавчатый нос картошкой, мутные слезящиеся глаза, правый еще и с белесым бельмом.

При всем притом Чорхголот очень любил украшения. Их было много – перстни на каждом пальце, а на некоторых и по два, целая связка ожерелий на жирной шее, браслеты с крупными драгоценными камнями и даже пирсинг в сосках в виде толстых золотых колец. Но все эти блестяшки только еще больше подчеркивали его уродливость.

Характер магистра вполне соответствовал его внешности.

Поначалу толстяк воззрился на нас с удивлением, будто ожидал увидеть кого-то другого. Затем зачем-то подался вперед, пытаясь перегнуться через прилавок и что-то разглядеть там. Даже принюхался, шумно вдыхая воздух волосатыми ноздрями. Наконец, положив сверток на стойку, скривился, с подозрением оглядел нас.

– Вы еще кто такие? – сварливо взвизгнул он. – Чего надо?

Голос у него оказался на удивление писклявым для такой туши, а зубы – длинными, узкими, как у крысы. Я все не мог понять, человек ли это вообще, или все-таки некое человекообразное страшилище вроде тролля. Больше склонялся ко второму варианту.

– Вы должны помнить меня, магистр. Я Доктор Носфераториус. Я уже делал покупки в вашей лавке. А это мои... слуги.

Алхимик прищурился, разглядывая всю нашу троицу своими подслеповатыми глазенками. Стинг же, развернувшись к Доку, окинул того изумленным взглядом, издавая сдавленные отрывистые звуки – что-то вроде едва сдерживаемого кашля.

– Да, слуги. Я потом все объясню. Так надо... – процедил, почти не разжимая губ, Док.

– Да хрен с ними, со слугами, – отмахнулся лучник. – Доктор Носфераториус?!

Он все-таки не сдержался и захихикал в голос.

– Чего? – обиженно засопел Сергеич. – Я давно хотел ник себе звучный взять. Больше подходящий для некроманта.

– Да, но... Доктор... Носфераториус? – давась от смеха, переспросил Стинг. – Ты прям и в ай-ди это уже прописал?

– Да иди ты...

Док, похоже, не на шутку обиделся. И даже жезл его, изогнувшись в сторону Стинга, сложил из своих корявых деревянных пальцев нечто, явно напоминающее неприличный жест.

– Да, я тебя припоминаю, – наконец, нехотя кивнул жирный магистр. – Что тебе нужно?

Рыжий котяра, проснувшись, лениво зашагал по прилавку. Подобрался к выложенному хозяином свертку, осторожно обнюхал его и, фыркнув, помотал головой. А потом с места, без разбега, сиганул прямо на загривок алхимику. Тот даже не вздрогнул.

– В этот раз я пришел не за товарами, – вкрадчиво начал Док. – Видите ли, магистр, я настолько впечатлен вашим мастерством, что не устаю восхвалять его перед всеми, с кем мне доводится разговаривать. Я убежден, что во всем Артаре не найдется никого, кто мог бы даже отдаленно сравниться с вами в глубочайшем знании алхимии и в виртуозном владении ее инструментами...

Выражение морды Чорхголота постепенно смягчалось, а под конец тирады Дока на ней даже обозначилось что-то вроде улыбки.

– Продолжай... – благосклонно кивнул алхимик.

– Однако по этому поводу у меня как раз недавно вышел спор с моими слугами. Я много времени провожу с ними – они сопровождают меня в странствиях и защищают. Вы ведь понимаете – иногда под рукой нужно иметь пару дуболомов, чтобы не отвлекаться на вульгарные

опасности. У меня ведь нет такой великолепной лаборатории, как у вас, где можно работать спокойно...

Толстяк презрительно изогнул губу, продолжая кивать.

– И, конечно, я рассказал им о вас, почтенный магистр. Я уверял их, что вы не только искусны в изготовлении зелий, но и сможете распознать состав уже готового эликсира с точностью до последнего компонента.

– Ну-у-у... я могу, – задрал все три подбородка, хвастливо подтвердил жирдяй.

– Однако они не поверили этому, – сокрушенно развел руками Док. – И, увы, они настолько невежественны в вопросах алхимии, что убедить их у меня не получилось.

Чорхголот, нахмурившись, подался вперед, налегая брюхом на прилавок, и окинул нас со Стингом злобным взглядом из-под кустистых, похожих на мохнатых гусениц, бровей. Мы даже невольно попятнулись, а лучник, прячась за спиной некроманта, сдавленно прошептал:

– Эй, чего за подставы-то, Док?

– Может, мне просто плеснуть этим наглецам в морды кислотой? – предложил алхимик. – У меня как раз где-то неподалеку была большая колба...

Он завертелся на месте, оглядываясь, а мы еще больше попятнулись к выходу.

– Нет-нет, магистр, я думаю, это излишне! – торопливо продолжил Док. – Пусть лучше они убедятся в вашем мастерстве сами. Пусть увидят все своими глазами. К тому же, у нас как раз есть загадка, достойная вашего прозорливого ума. Очень странный яд, распознать который я так и не сумел.

– То, что ты его не распознал – еще ни о чем не говорит, – не сводя с нас презрительного взгляда, проворчал алхимик. – Тебе еще учиться и учиться.

– Я знаю, магистр. Я могу лишь скромно надеяться когда-нибудь, в отдаленном будущем, хотя бы приблизиться к вашему заоблачному уровню мастерства, – продолжал расшаркиваться Док.

Однако, надо признать, даже такая грубая лесть оказалась вполне действенной. Чорхголот снова постепенно размяк и снисходительно кивал, слушая речи некроманта. Наконец, протянул ему свою пухлую ладонь.

– Ну, хорошо, давай я посмотрю.

Док кивнул мне и я аккуратно, стараясь ненароком не прикоснуться к толстяку, передал ему обломки Золотого шершня.

Увиденное его явно озадачило. Он долго пялился на рукотворное насекомое, принюхивался к нему и даже попробовал лизнуть, вывалив толстый, синюшный, покрытый какой-то белесой слизью язык, похожий на длинный кусок сырого мяса. Меня при виде этой картины аж передернуло.

– Там осталось совсем немного, – пробурчал, наконец, алхимик. – Чтобы достать, придется раздавить это хрустальное брюшко.

– Что поделать, – пожал плечами Док. – Нам очень хочется узнать, что же там такое.

Толстяк выложил шершня на небольшой блестящий поднос и, порывшись в карманах своего фартука, достал небольшие щипцы и что-то вроде скальпеля. Орудовал он этими инструментами на удивление аккуратно и точно. Прямо-таки ювелирно. Отделил брюшко-флакончик от основного корпуса шершня, сдавил его, разрушая на крошечные блестящие осколки. Ткнул в вылившуюся темную каплю кончиком пальца с темным длинным ногтем и поднес его к лицу. Придирчиво осмотрел, понюхал, а потом слизнул.

И надолго замер, закрыв глаза.

Выражение его лица при этом медленно, но верно портилось, и когда он снова взглянул на нас, во взгляде его горело едва сдерживаемое раздражение, почти ненависть. Прежде, чем что-то сказать, он дважды смачно сплюнул на пол и даже протер язык тыльной стороной ладони, избавляясь от остатков зелья.

– Да, редкий экземпляр, – нехотя проговорил он своим скрипучим тонким голосом. – На стадии нигредо все просто – древесный уголь, вытяжка синей тапинеллы, черная бузина, отвар осинового коры, эфирные масла. Альбедро – в основном животные компоненты. Немного змеиного яда, мускус черного грызла, медвежья желчь. И, самое главное – тонкая дистилляция, не меньше пяти циклов...

Для меня лично это все было непонятной тарабарщиной. Ну, надеюсь, Док разберется.

– Но главное – стадия рубедо. Тут в ход идут особые ингредиенты. Кровь оборотня. И черная ртуть.

Он отодвинул от себя поднос с обломками шершня, давая понять, что разговор окончен. Я на всякий случай забрал их, хотя сейчас это был уже совсем бесполезный мусор, годящийся разве что для переплавки.

– Постойте, магистр! – растерялся Док. – Я хотел еще спросить...

– Это всё! – рявкнул Чорхголот. – Вы меня утомили. Убирайтесь!

– Но...

– Убирайтесь!

Котяра на заливке алхимика злобно зашипел на нас, выгибая спину дугой.

Да чего он так взъелся-то вдруг? Ему явно не понравилось то зелье, что мы ему подсунули на экспертизу. Интересно, почему?

Док что-то растерянно пробормотал, но тут вперед вдруг неожиданно выступил Стинг. Он вальяжно облокотился на стойку и, состроив сладчайшую улыбку, заворковал:

– Мадам Чорхголот, мне очень жаль, что мы, кажется, расстроили вас чем-то. Ну, да что взять с необразованных мужланов? Мы ведь и правда зашли в тупик с этим чертовым зельем, и вся надежда только на ваш непревзойденный талант...

Мадам?!

А ведь точно! Как до меня раньше-то не дошло! Все эти драгоценности... Тонкий голос... Черт возьми, да даже целый выводок котов должен был уже заставить насторожиться! Да и фигура, если приглядеться... Хотя, нет, пожалуй, приглядываться я не буду. И так, кажется, либидо мое в ужасе съежилось и потерялось на сутки вперед.

На Дока и вовсе было больно смотреть. Он, вытаращив глаза, переводил взгляд со Стинга на Чорхголот и обратно и, кажется, силился что-то сказать, но только сипел, то раскрывая рот, то снова захлопывая его. Для него половая принадлежность магистра, похоже, тоже явилась полной неожиданностью. Но меня еще можно простить – я эту жабую морду видел впервые в жизни. Но он-то к ней, похоже, регулярно за покупками наведывался!

Стинг, тем временем, пустил в ход весь свой донжуанский арсенал, и таки добился немалых успехов. Магистр сменила гнев на милость и, кокетливо перебирая ожерелья на необъятной груди, стреляла в него глазками.

– Я заметил, что у вас очень тонкий вкус к украшениям, мадам, – продолжал заливаться соловьем Стинг. – Позвольте преподнести вам небольшой презент в качестве извинений за беспокойство.

Он протянул ей золотой перстень с крупным красным камнем. Бедняжка, кажется, едва в обморок не хлопнулась от восторга.

– Оу... Мне никогда не дарили подарков!

– Так возьмите, прошу вас!

Перстень был на обычную человеческую руку, и алхимичке пришлось изрядно попотеть, пока, наконец, не удалось пристроить его на левый мизинец. Стинг же наблюдал за ее потугами с блаженной улыбкой на физиономии – будто влюбленный юноша, любующийся своей спящей пассией.

– Красивый! – смущенно буркнула Чорхголот.

– И очень подходит к вашим глазам, – кивнул Стинг.

Угу. Точнее, к красным прожилкам в них.

Пока Стинг заговаривал зубы хозяйке лаборатории, я стоял чуть поодаль и не сводил взгляда с того свертка, что Чорхголот притащила с собой из подвала. Что-то меня в нем насто-раживало.

Что там? И зачем она вообще принесла его?

Догадка промелькнула в мозгу, как фотовспышка, и сразу все стало на свои места. Приоткрытая дверь. Удивление толстухи при нашем появлении. Черт побери, да мы же спугнули покупателя! Он заказал какой-то редкий ингредиент, хозяйка полезла за ним в хранилище. Вернулась – а тут мы...

– Но, позвольте спросить – чем же мы вас расстроили? – наконец, пошел в наступление Стинг. – Вы ведь так точно определили состав этого яда. Но что с ним не так?

Толстуха снова заметно помрачнела, но, похоже, чары Стинга взяли-таки верх.

– Это не яд, а эликсир, – нехотя призналась она. – И состав узнать было несложно. Это моя работа.

– В смысле – вы варили это зелье?

– Да. Но... Его потом доработали. Концентрация. В одной малюсенькой капельке – сила целого флакона. Немыслимо! Невозможно!

Похоже, сама Чорхголот зелье такой концентрации сварить бы не сумела. Это-то и привело ее в замешательство. Уточнять я не стал, чтобы не навлечь ее гнева. К тому же у меня все не шел из головы этот таинственный покупатель, которого мы спугнули.

А что, если он до сих пор здесь? И ждет своего товара?

Стараясь не дергаться, я в очередной раз окинул взглядом лабораторию. Входная дверь все еще была немного приоткрыта. Темных закоулков для того, чтобы спрятаться, тут было полно. В конце концов, есть еще и инвиз. Думаю, ассасины – частые клиенты Чорхголот...

Я шагнул ближе к прилавку, облокотился на него и как бы невзначай положил руку рядом со свертком. Поглядывая на хозяйку, ухватился двумя пальцами за уголок ткани и медленно потянул на себя, приоткрывая то, что скрывалось под ней.

Какой-то флакон. Толстое, наверное, в палец толщиной, стекло, залитая темным сургу-чом пробка. Внутри – черная, поблескивающая, как жирное масло, жидкость. Ее немного, с полстакана, но флакон из-за необычно толстых стенок получился объемистым. Я скосил глаза, пытаюсь разглядеть этикетку...

– А что скажете по самому эликсиру? – осторожно вмешался Док. – Он очень странный, с перекосом в негативные эффекты. Как можно сварить такой? Это ведь противоречит самой концепции алхимии...

Толстуха снисходительно фыркнула.

– Тут как раз все просто, Носфераториус. Просто после добавления последних компонентов этот эликсир – не для людей. Он для ликанов в зверином облике. Придает сил и живучести. На человека же будет действовать ровно наоборот.

– Вон оно что! – ошарашено пробормотал Док. – Да, я слышал раньше про ликантропию, но не в курсе подробностей...

Название на этикетке мне прочитать не удалось, но, поскольку я уже долго пристально пялился на флакон, на подмогу пришла подсказка из игрового интерфейса.

Черная ртуть.

Кажется, я произнес это вслух, потому что все разом – и Док, и Стинг, и Чорхголот – обернулись ко мне. Толстуха рассержено взвизгнула, снова накрывая флакон тряпичной салфеткой. Док хотел что-то сказать, но вдруг всплеснул руками и завалился на прилавок, будто кто-то сильно толкнул его в спину. Стинг тоже отлетел в сторону. Меня самого невидимая сила толкнула в плечо, заставляя развернуться. Это автоматически сработал Хвост Ящерицы, уводя меня с

траектории полета маленького, похожего на рыбешку, метательного кинжала с широким листовидным клинком. Кинжал ударился в прилавок, вонзившись в самую его кромку.

Второй Хвост Ящерицы я врубил уже сам, инстинктивно отпрыгивая в сторону. Краем глаза успел заметить, как Стинг с Доком валяются на пол и странно дергаются, будто от электрошока. Кувыркнувшись, выхватил чакрам и замахнулся для броска, но что-то ударило меня в грудь, перехватывая дыхание. Еще один кинжал – ровно такой же, как и тот, от которого мне только что удалось увернуться.

Паралич! Я повалился на пол, как манекен, не в силах пошевелиться и даже вздохнуть. Активация умений тоже в этом состоянии недоступна. В глазах потемнело, и я смог разглядеть лишь смутный силуэт рядом со стойкой. О прилавок брякнуло что-то маленькое, металлическое. Незнакомец забрал сверток у Чорхголот, а потом стремительно и бесшумно, как тень, выскользнул из лаборатории. Ушло на это секунд пять, не больше.

Метательный кинжал, торчащий у меня из груди, растворился в воздухе, и эффект паралича тут же пропал. Я шумно глотнул воздуха и закашлялся, будто нахлебавшийся воды утопающий. По всему телу разливалась противная слабость, но и этот эффект быстро прошел.

Док и Стинг, матерясь на два голоса, барахтались у стойки, пытаюсь подняться. Хозяйка добавляла в этот ансамбль свою визгливую ноту.

– А ну, убирайтесь! Никаких драк в моей лаборатории!

Алантская турель, установленная неподалеку от выхода, недвусмысленно развернулась в нашу сторону. Ага, где ты раньше была, железяка тупая?

– Все, все, мы уже уходим! – поднимая руки, выдохнул Стинг. – Ребят, сваливаем отсюда!

Уговаривать нас не пришлось – мы выскочили из логова Чорхголот, как ошпаренные, и тут же ринулись вверх по винтовой лестнице. Остановились только наверху, в круглой зале, из которой вели в разные стороны боковые проходы.

– Кажется, туда побежал!

Стинг ткнул пальцем в сторону туннеля, ведущего к канализационному коллектору, и даже ринулся было туда.

– Да брось, – удержал его за плечо Док. – Не догоним мы его. В инвиз уйдет. А у меня, как назло, дастов нет. Да и вообще...

Он раздраженно повел плечами.

– Этот гад нас один сейчас чуть не размотал. Я всегда говорил: заклинание паралича на метательном оружии – то еще читерство. Этих пяти секунд ему бы хватило, чтобы нам всем глотки вскрыть.

– Но не вскрыл же, – возразил Стинг, шмыгнув носом и поправляя свою громоздкую маску с оптикой. – Интересно, почему?

– Кто ж его знает? – огрызнулся Док. – Откуда он вообще взялся на нашу голову? Он ведь и весь наш разговор с магистром мог подслушать, гад!

У меня настроение тоже было ни к черту. И больше всего я был зол на себя самого. Раньше надо было догадаться, что мы не одни в лаборатории! И попытаться напасть первым. Тернии или Хвост дракона – что-нибудь, чтобы поймать этого гада или оглоушить. А дальше уж никуда бы он от нас не делся...

Я чувствовал, что мы упустили что-то очень важное. Черная ртуть. Ингредиент того самого зелья, которым был отравлен Берс. Вряд ли это совпадение. Покупатель явно связан с Полтергейстом.

– Надо вернуться в лабораторию, – сказал я.

– Не лучшая идея! – запротестовал Док. – У меня и так вон репутация с магистром обрушилась. Как бы вообще не лишиться доступа к его товарам. Тьфу! То есть, к её...

– Но надо же выведать подробнее про эту черную ртуть...

– Про это я тебе и сам расскажу. Хотя, особо и рассказывать-то нечего. Это жутко редкий компонент. Из тех, ради которых стоит вообще прокачивать репутацию с Бандами. Продается только у магистра и вроде бы иногда появляется в одной из лавок в Меррахе. Причем продается только за черепа. Два-три черепа за флакон. Можешь представить, сколько это в золоте.

– Что же в ней такого особенного, в этой ртути? – присвистнул Стинг.

– Она на порядок усиливает эффект зелий. Но главная причина дороговизны – ограниченное количество. Ее в продаже появляется по паре флаконов в игровой месяц.

– И все? Больше ее нигде не достать?

– Купить – вроде нет. Теоретически, конечно, может попасться где-нибудь в дропе. В данжах каких-нибудь, например. Но это все равно, что джекпот сорвать.

– Ясно. Но это, возможно зацепка. Будем иметь в виду.

Раз за разом прокручивая в голове нашу короткую схватку, я пытался вспомнить хоть какие-то новые детали. Но единственное, что я успел разглядеть – это смутный силуэт. Таинственный клиент Чорхголот двигался слишком быстро.

Но почему он не убил нас? Док прав – ведь запросто мог бы. А игроки в Артаре редко отказываются от легких фрагов. Может, просто не хотел светить ник в логах? Значит ли это, что он связан с Полтергейстом напрямую, и потому не хочет давать нам ниточку, которая может вывести на заказчика?

Да, это, пожалуй, самое правдоподобное объяснение. За него я и ухватился, хотя на ум пришло и другое, тоже вполне логичное. Только вот мне очень не хотелось думать о нем.

Нападавший ведь мог скрываться и по другой причине. Например, из-за того, что ник его окажется мне знакомым.

Глава 5. Новый след

– А вот, похоже, и наш потерпевший, – шепнул Берс, толкая меня локтем. – Вон там, слева. Да выше! Вон он, под кустом затаился.

Анахар, Рвуший плоть, с такого расстояния был похож на огромного дикобраза – из-под колючего куста была видна только его голова, обрамленная гривой длинных плоских игл.

– Вижу, – кивнул я. – Только какой же он потерпевший? Это я от него сегодня огребаю по полной.

– Ну, я просто немного опережаю события. Считай, что он уже труп. В ближайшем будущем.

– Давайте уже творить это будущее, – проворчал Док. – У меня всего часа четыре до конца сессии, а нам еще шахту эту обыскать надо.

– Так только тебя и ждем. Ты скоро?

– Мы почти готовы, – зловеще ухмыльнулся некромант, обращившись через плечо.

До этого он, преклонив одно колено, колдовал над разложенной на земле грудой костей и темных лохмотьев. Последнее слово заклинания – и рядом беззвучно взвился столб призрачного серого огня, а кости, соприкасаясь друг с другом с характерным сухим стуком, начали быстро складываться в уже знакомую фигуру, увенчанную лошадиным черепом.

Карачун за последние недели тоже здорово изменился. Кости любимого детища Дока потемнели, будто были обожжены, и обзавелись светящимися голубоватыми прожилками. На черепе мерцали эффектные спиралевидные руны, а поверх просторной полуистлевшей сутаны светились магические доспехи, сотканные из света и дыма. На непропорционально больших костяных лапищах красовались массивные серебряные перстни с черными камнями.

Аура лича стала мощнее и даже визуально заметнее. Там, где парил, зависнув в полуметре от земли, изорванный подол его балахона, клубилась синеватая тьма, расходящаяся в стороны жадными щупальцами. Попадая в нее, даже камни, кажется, темнели и покрывались тонкой корочкой инея. А уж трава и мелкая живность и вовсе быстро съезживались и обращались в прах. На дружественных к Доку игроков аура Карачуна не действовала, но все равно было как-то жутковато. От одного его присутствия становилось не по себе – будто за шиворот плеснули чего-то вязкого и холодного. А уж встречаться взглядом с холодными светящимися глазищами фамильяра избегал даже Берс.

– Ну, что, вперед! Постарайтесь выманить его на открытое место, – распорядился Док.

– А ты чего?

– Мы тут покараулим. Не будем входить в его зону агра раньше времени. Вы, главное его не спугните.

Я хотел было возразить, что пришли-то мы сюда не за Анахаром. Он – лишь препятствие на пути в древнюю шахту. Но у спутников моих, похоже, уже не на шутку разыгрался охотничий азарт, так что отговаривать их от драки было бесполезно. Да мне и самому хотелось взять реванш у этого когтистого гада.

Мы с Берсом трусцой пробежались по извилистому дну каньона, намеренно не доставая оружия раньше времени, и даже стараясь не смотреть в сторону грифона. У именных мобов есть неприятная особенность – они куда хитрее обычных, и когда видят, что добыча им не по зубам, склонны затаиться, а то и вовсе сбежать. Поэтому охота на них всегда сложна. Если ты недостаточно силен – тебе сложно справиться со зверем. Если перекачан по сравнению с ним – то ловля на живца не срабатывает, и приходится переходить к осторожному выслеживанию.

Но мы зря переживали – особое приглашение Анахару не понадобилось. Причем, хоть я и ждал его нападения каждую секунду, выскочил он совершенно внезапно. Еще и не с той

стороны. Мы огибали кусты, в которых он затаился, справа. Но он как-то умудрился зайти еще правее нас, и выпрыгнул из-за поросшего бурым лишайником валуна. Берса он сшиб одним ударом, подминая под себя, и я уж подумал, что снова придется биться один на один. Но рыжий, взревев куда громче и яростнее самого чудовища, полоснул хопешами прямо из положения лежа. Грифон, взвизгнув, отпрыгнул и зашипел, ставя дыбом свои страшные зазубренные иглы.

Ох, и уродлив же ты, братец. Аж дрожь пробирает. Так часто бывает при виде артарских чудовищ. Одно дело – более-менее привычные хищники вроде волков, медведей, леопардов. Да хоть бы даже крокодилов. Страшно, конечно, но более-менее понимаешь, кто перед тобой и чего от него ожидать. А вот плоды фантазии вирт-дизайнеров будят какие-то глубинные страхи перед чуждым, неведомым.

– Ах ты, собака сутулая! – с пол-оборота завелся Берс, рывком вскакивая на ноги. – Ну, я тебе сейчас...

На груди его алело несколько глубоких царапин, быстро расцветающих оранжевым пламенем. Но основательно поработать над ним когтями Анахар не успел, только разозлил. И выпустил огонь наружу.

Пожалуй, такая зажигательная смесь внутри – это неплохой защитный механизм. Плохо другое – чтобы он сработал, нужно, чтобы тебе основательно пустили кровь. Но Берсу к такому не привыкать.

Я бросил под Анахара Тернии, чтобы придержать его на месте, и прицельно добавил прямо поперек хребта Хлещущей ветвью. Во время замаха посох в моих руках увеличился в длину, как минимум, вдвое и упруго изогнулся, будто резиновый. От удара зверь плюхнулся на пузо и захрипел, но, увы, как и в прошлые разы, оправился довольно быстро. Я лишь выиграл несколько секунд для Берса – пока тот, размахивая своими хопешами, не набросился на грифона с фланга.

Мы рассредоточились, стараясь держать Анахара строго между нами. Он вертелся волчком, огрызаясь то на меня, то на Берса – будто огромный колючий кот, разыгравшийся с фантиком на нитке. Вот только когтями полосовал совсем не игрушки. К счастью, он не мог сосредоточиться на одной цели, так что и у меня, и у рыжего хватало сноровки уворачиваться от его выпадов. Правда, и пробивать его толком тоже не получалось. Не бой, а какой-то аттракцион типа родео. И закончится он ровно в тот момент, когда кто-нибудь из нас совершит оплошность.

Или же выбросит неожиданный козырь.

Анахар, подобрав под себя лапы, сгорбился, будто для прыжка, и мы подались чуть в стороны. Но вместо прыжка он вдруг как-то странно фыркнул, дернулся, и в воздух вокруг него веером взметнулось сразу дюжина игл. Меня задело лишь вскользь – щеку и боковую часть шеи будто раскаленным прутом обожгло. В который раз меня спас халявный Хвост ящерицы, активирующийся автоматически за счет Зерна Морской саламандры. Ну, почти спас, строго говоря. Кожу мне рассекло знатно – зажав рану ладонью, я почувствовал под пальцами её рваные края, а за ворот доспеха покатались теплые струйки крови.

Берсу досталось куда больше. Одна из игл впиалась ему прямо в живот, будто стрела. Выдергивая её, он еще больше разворотил рану зазубренными, как серрейтор, кромками. Грифон же, воспользовавшись его замешательством, прыгнул на него. Я снова бросил ему под ноги Тернии. Тонкие цепкие ростки быстро рвали под напором зверя, но все же придержали его на пару секунд.

Да где же Док со Стингом, мать их за ногу?!

Надо было припомнить некроманта раньше – тот будто этого и ждал. Самого его появления мы не засекли, но на Анахара вдруг обрушился вихрь странного серого пламени, в котором мелькали силуэты безногих растрепанных привидений в длинных лохмотьях. Их было сложно

разглядеть, потому что они формировались буквально на доли мгновения, а потом таяли, искажались, расплывались, как плавящийся воск. И снова появлялись.

Призрачное пламя закрутилось вокруг грифона, как торнадо, наращивая темп, и мы с Берсом невольно отшатнулись в стороны.

Наш Доктор Носфераториус приближался, вышагивая неторопливо, но неотвратимо, как сама смерть. В вытянутой вперед руке он сжимал свой жезл из древесины Джубокко. Именно из него, будто найдя прореху между измерениями, с шипением вырывались все новые призрачные твари и присоединялись к бешено вращающемуся хороводу вокруг Анахара.

Чуть позже стало понятно, что твари не такие уж призрачные. Зверь не мог вырваться из закрутившегося вокруг него кольца, а когда оно начало сжиматься, завизжал в ужасе. Пролетая сквозь него, призраки будто бы вырывали из него куски плоти и тут же иссушали их, превращая в красноватый пепел. Крови и внешних повреждений не было видно, но грифон верещал, будто его резали на части, и метался, силясь вырваться. Призрачная мясорубка бодро продолжала свою работу, и серое пламя постепенно окрашивалось в багровый. Док же шагал, не останавливаясь, и когда приблизился к магическому торнадо вплотную, оно начало опадать и съеживаться, втягиваясь обратно в жезл. Пальцы деревянной руки судорожно сжимались и разжимались, будто пытаясь ухватить стремительно проносящихся сквозь них призраков.

Закончилось все неожиданно – жезл, будто пылесос, втянул в себя последние языки пламени и замер со скрюченными, будто в агонии, пальцами. На нас обрушилась тишина. Вытащившийся на Дока Берс даже поковырял пальцем в ухе – видно, решил, что оглох.

Высохшее, как мумия, тело грифона валялось, выпростав в сторону передние лапы. Кажется, от него реально остался только скелет, обернутый обвисшей шкурой.

Некромант же, приблизив свой жутковатый жезл к лицу, коротко дунул на него, будто сдувая пороховой дымок с дула револьвера.

– Славно покушали, не правда ли? – ухмыльнулся он, вскидывая подбородок.

Черная деревянная рука, изогнувшись, ласково погладила его по бороде узловатыми пальцами.

– Сергеич, ты это... Завязывай! – держась за раненый живот, проворчал Берс. – Ты меня пугаешь.

– Угу, – поддакнул ему Стинг, пряча за спину свой лук, из которого, похоже, и выстрелить-то ни разу не успел. – Я прям стесняюсь спросить, чего ты еще научился делать этой своей третьей рукой?

Док сделал вид, что не расслышал. Закрепил жезл в специальных лямках на поясе и жестом позвал Карачуна. Лич тоже в битве не поучаствовал – попросту незачем было.

– Подхилить? – предложил он Берсу.

– Да само затянется, – отмахнулся тот, растирая по животу все еще дымящуюся, а кое-где вспыхивающую алым пламенем кровь. – Я ж теперь сам себе могу раны прижигать.

– А вот я бы не отказался, – пробормотал я, по-прежнему зажимая рану, тянущуюся через щеку и шею.

Док вытянул в мою сторону руку, и перстень на его пальце вспыхнул крупным алым рубином. Я успел разглядеть знакомый багровый луч Перекачки жизни, а потом изрядно ошалел от вливающейся в меня энергии и даже ненадолго ослеп – перед глазами плясали лишь мутные цветные пятна. Рана моя затянулась буквально за несколько секунд – я прямо чувствовал ладонью, как края ее сходятся и срастаются. Сам Док во время заклинания лишь слегка морщился, хотя раньше применение Перекачки жизни от себя союзнику причиняло ему жуткую боль. Видно, дело в новом перстне. Скорее всего, модифицирует заклинание.

– Спасибо, – сдавленным от удивления голосом буркнул я, и Док ободряюще усмехнулся.

– Поверить не могу, что ты все-таки пошел в эту ветку Кипящей крови, – покачал он головой, снова оборачиваясь к Берсу. – Это ж для настоящих психов!

– А ты во мне сомневался, что ли? – парировал Берс. – К тому же, под мой стиль подходит идеально. Дело же не только в огненном уроне. Тут и бонусы к живучести, и повышение болевого порога, и взрывные баффы. И это еще только начало!

– Ладно, пойдёмте, – поторопил я остальных, поглощая скудную долю Ци, что система выдала мне за участие в победе над Анахаром. Основной опыт, конечно, достался Доку.

– Угу. Только одна просьба – отрубите-ка этому красавцу голову.

– Нафига, Док? Он вроде бы и так мертв.

– Мне понравился его череп. И дрэды у него классные. Думаю, я смогу проагрейдить Карачуна.

Лич, будто понимая, о чем речь, еще активнее начал перебирать в воздухе своими костлявыми ладонями. Я б не удивился, если бы он их еще и потирать начал в предвкушении обновки.

Уродливую башку грифона мы отделяли всей толпой. Рубил, конечно, Берс – его хопеши были наиболее приспособлены для такой работы. Остальные держали, пытаясь примять и оттянуть в сторону иглы. Пока справились – перематерились и исцарапались с головы до ног. Но заказчик был доволен. Я, когда представил Карачуна с новой башкой, вынужден был согласиться, что идея хорошая.

– Теперь враги, наверное, от одного вида вашей парочки будут в штаны гадить, – сплунув, проговорил Берс и, наконец, убрал оружие. – Ну, а теперь-то пойдём уже?

Спуск в шахту был не особо примечательным – этакая треугольная дыра в скале. О ее искусственном происхождении напоминали лишь останки алантского подъемного механизма, с помощью которого вверх по отвесной стене каньона когда-то поднимали здоровенные вагонетки с рудой. Пара таких вагонеток даже валялась неподалеку кверху днищами, а из-под слоя рыжего песка кое-где виднелись участки ржавых рельсов.

Мы, не тратя времени даром, потопали дальше, тем более, что дорога тут была одна – широкий горизонтальный штрек с дорогой для вагонеток посередине.

– Уф, не люблю я этих алантов и их катакомбы, – проворчал Док, когда мы вошли под своды пещеры. – Учтите, от меня там пользы будет мало – большинство моих заклинаний бесполезно против механизмов.

– Да вряд ли там много исправной техники осталось, – скептически оглядывая хлам, валяющийся под ногами, возразил Берс. – Это ведь не данж. Обычная нора в скале.

– Тут скорее подземных пакостников стоит опасаться, – мрачно добавил Стинг, поковыряв пальцем намалеванные светлой краской рисунки на стене пещеры. – Троглы. Они очень любят тусоваться в алантских подземельях.

– Просто они, как рыба – ищут, где глубже, – пожал плечами Берс.

Первые метров тридцать штрека мы преодолели одним махом, разве что пару крыс шуганули по дороге. Да и дальше еще с четверть часа не встречали никаких препятствий, кроме темноты, пыли и всякой подземной мелочи. Мы забирались все глубже, спускаясь на следующие этажи с помощью дребезжащих и скрежещущих, но все еще работающих лифтов, а кое-где – и просто спрыгивая в зияющие в полу проемы.

А вот дальше, когда добрались до центральной вертикальной шахты, невольно застопорились. Честно говоря, я и не ожидал, что здесь окажется такая бездонная пропасть. Невольно вспомнились обнаруженные нами пещеры в Сером пике. Главное отличие было в том, что здесь на отвесных стенках огромного колодца сохранились проржавевшие насквозь части транспортной системы.

Чтобы осмотреться, Док принялся расшвыривать во все стороны столь любимые магами всех мастей светящиеся шары – простейшее, но одно из самых полезных в игре заклинаний.

– Так, с лестницами, похоже, облом, – выдал Стинг свой неутешительный вердикт. – Как спускаться – непонятно.

Впрочем, это и без его новой оптики было понятно. Изначально система лестниц и пандусов, похоже, спиралью шла по всему колодцу, с каждым витком спускаясь все ниже. Но построено это все было многие столетия назад, так что сейчас в этой конструкции зияли огромные провалы. Теоретически, используя Жало и всю мою сноровку, можно было попытаться спуститься и по такой дороге. При условии, что оставшиеся участки держатся достаточно крепко. Но как раз по этому поводу уверенности не было никакой.

– Может, рудный подъемник еще работает? – предположил Берс. – Вон тот, с вагонетками?

Подъемник располагался на дальней от нас стороне шахты и представлял собой громоздкий механизм, состоящий из огромных, по несколько метров в диаметре, шестеренок, толстенных цепей и железных лап размером с ковш экскаватора. Если я правильно разобрался в его конструкции, это было что-то вроде вертикальной конвейерной ленты, по которой с одной стороны должны были подниматься наполненные рудой вагонетки размером с легковушку, а с обратной стороны – возвращаться в шахту порожняк.

– Хочешь прокатиться? – хмыкнул Док. – Да тут, наверное, все заржавело так, что эти шестеренки на части развалятся!

– Эй, я бы не стал недооценивать долговечность алантской техники! – запротестовал Стинг. – Ей-богу, когда эти ребята собирали какую-нибудь очередную свою хреновину, в документации к ней они наверняка ставили «Срок годности не важен, вы все равно не доживете».

– Ну, а как эту махину запустить вообще?

– Кажется, вон там, наверху, что-то вроде пульта. Мангуст, сможешь залезть?

В стене пещеры на высоте метров пяти виднелась решетчатая железная конструкция, которая мне напомнила кабину управления. Что-то похожее было в подземельях под Храмом Черной змеи – там, где хиссы устраивали свои жертвоприношения Очищающему огню. К кабине когда-то вела железная лестница, но сейчас от нее остался лишь огрызок, основная часть валялась внизу. Можно было попробовать собрать из остатков что-то вроде стремянки (и, кажется, разработчики специально оставили все именно в таком виде – как вариант). Но проще и быстрее было потратить заряд Ци на Прыжок лягушки.

Наверху обнаружился подковообразный пульт, усеянный рукоятками и переключателями. Единственное, что могло помочь хоть как-то сориентироваться в этом хаосе – это полустертые алантские руны напротив некоторых переключателей. Но это если ты в них хоть немного разбираешься.

Я уже приготовился нажимать и дергать все подряд, когда снизу донесся окрик Стинга.

– Мангуст, сначала проверь, осталась ли тут вообще энергия! Светящиеся огоньки там есть?

– Эм...

Пульт был изрядно припорошен пылью и затянута плотной липкой паутиной. Хотя в некоторых местах загрязнений было заметно меньше – похоже, сюда все-таки иногда наведываются игроки. В основном очищена нижняя часть пульта – там, где целая россыпь одинаковых продолговатых рычагов, передвигающихся в глубоких пазах, похожих на маленький лабиринт. Ага, а по краям несколько зеленоватых кристаллов. Один из них чуть теплится, подсвеченный изнутри.

– Да, вроде светится один.

– Нужно замкнуть цепь питания! Скорее всего, там что-то типа головоломки.

– Может, сам залезешь? Я тебе сейчас сброшу веревку.

Я спустил вниз Жало и подтянул коротышку наверх. Вместе мы осмотрели пульт, и Стинг шустро задвигал рычажками, гоняя их по пазам.

– Защита от дурака, – пояснил он. – Главное, на ловушку не нарваться какую-нибудь.

Он завертел головой, оглядываясь, и я невольно тоже начала озираться.

– Ты чего?

– Да просто прикидываю, чего ждать. Если случайно активирую защитную систему – то сверху может какая-нибудь гильотина обрушиться. Или из стены гарпуны полетят. Или, бывает, кислотой ошпарит.

– Так ты поаккуратнее с рычагами-то этими!

– Да не дрейфь! Тут вроде все просто. Да и не должно тут быть навороченной защитной системы. Берс прав – тут не данж и не сокровищница какая-нибудь. Это ж просто шахта.

В пульте что-то щелкнуло, и он замер, втянув голову в плечи. Сам я тоже едва вниз не сиганул. Но прямой опасности не было – иначе бы у меня Хвост ящерицы сработал.

Стинг аккуратно переместил рычажок назад и повел его другим маршрутом, выводя на нижнюю кромку панели. Там механизм снова щелкнул, и загорелся еще один зеленый кристаллик.

– Я ж говорю – раз плюнуть, – хмыкнул он. – Тут что-то типа пятнашек, и надо рычаги в правильное положение выставить.

Закончил он, и правда, буквально через пару минут – видно, главное было понять сам принцип, а сама по себе головоломка была несложной. Когда все зеленые кристаллы на панели подсветились, он потянул на себя большой рычаг справа. Из-под земли донесся протяжный скрежет, подхватываемый эхом, а пол под нами содрогнулся так, что мне пришлось ухватиться за поручень, чтобы удержать равновесие.

– Работает! – восторженно завопил Стинг.

Огромные шестеренки начали проворачиваться, скрипя, лязгая и обрушивая вниз струи песка и налипшего на них мусора. Лента транспортера тоже пришла в движение. Она была похожа на гигантскую развернутую вертикально велосипедную цепь, нижний край которой терялся в глубине шахты.

Мы со Стингом спустились к остальным и оглядывали конструкцию, пытаясь понять, как ее вообще использовать. Прыгать на эти громыхающие железные глыбы не было никакого желания. Одно неверное движение – и тебя просто перемелет, как в жерновах.

– Эй, а вон и наш автобус! – хлопнул меня по плечу Берс.

От подъемника в некоторые боковые туннели тянулись толстые железные тросы – в аккурат над рельсовыми ветками. И сейчас из темноты как раз вынырнула пустая покореженная вагонетка, подцепленная к этому тросу причудливым механизмом, похожим на четырехлопастную клешню.

– Ну что, успеем же запрыгнуть? – подобрался Стинг, следя за движением вагонетки.

Та как раз замедлила ход, подъезжая к транспортеру. Обычная железная коробка с толстыми стенками, на железных колесах. Разместиться в ней вчетвером вполне реально. На комфортную поездку, правда, рассчитывать не стоит – трясоти её явно будет так, что мозги в масло собьются.

Доку идея с поездкой не нравилась. Он вроде и выдвинулся следом за нами к транспортеру, но то и дело оглядывался на своего фамильяра. Карачун всем хорош, но передвигается он довольно медлительно.

– Может, поищем другой способ, ребят?

– Сергеич, не тормози! Думаешь, тебе тут персональное такси подгонят?

У транспортера вагонетка почти остановилась – железная клешня приподняла ее над рельсами и перетаскивала в специальный слот в движущейся ленте. Это был идеальный момент для того, чтобы в нее запрыгнуть. Тут Стинг оказался самым шустрым. За ним рванули мы с Берсом, таща за собой некроманта. Его пришлось забрасывать в кузов чуть ли не силой.

– Не успеем же! – выкрикнул он, но мы таки сделали последний рывок и перевалились через железный борт. Вагонетка, заняв свое место на транспортере, быстро поползла вниз.

Карачун подплыл к краю пропасти и, чуть помедлив, отправился за нами, плавно паря в воздухе.

– Ну вот, а ты переживал. Он же летать умеет, – подбодрил я Дока.

– Да, но я не знаю, на каком расстоянии у меня контроль над ним сохраняться будет. А вдруг он слишком отстанет, и я его потеряю? Да и вообще, не нравится мне вся эта затея.

– Уф, да чего ж ты такой зануда-то, Док? – взвыл рыжий. – Да куда он денется-то из этого колодца? Тут одна дорога – вниз.

– Устами зануды гундосит истина, – насупился некромант, опасливо отодвигаясь от края.

Вагонетка, покачиваясь, бодро спускалась вниз. Вскоре вокруг нас сгустилась такая тьма, что мы даже друг друга не могли разглядеть. Тогда Док прилепил светящийся шарик на внешнюю стенку вагонетки, и мы продолжили погружаться, как батискаф на дно темной морской впадины. Мимо лишь изредка проплывали скальные выступы или детали каких-то огромных механизмов.

Продолжалось это минут десять, не меньше, и за это время мы успели изрядно заскучать.

– Бездонная она, что ли, эта шахта! – проворчал Стинг, переваливаясь через бортик, чтобы выглянуть наружу.

– Да не раскачивай ты корыто! – одернул его Док. – Сорвемся еще!

– Не нервничай, – снисходительно усмехнулся Берс, уже в который раз прикладываясь к железной фляжке. Судя по доносящемуся из нее запаху, внутри была явно не вода.

– Я вообще такие штуки терпеть не могу. Фуникулеры всякие, колеса обозрения, – признался некромант. – Фобия у меня, понимаешь? Я в детстве как-то застрял на подъемнике лыжном. Больше двух часов там проторчал.

– А я как-то в лифте застрял, – оживился Стинг. – С одной дамой...

– Ой, даже не начинай! – дружно запротестовали мы.

– Не, да там правда забавно вышло! Сидим мы с ней, значит, уже полчаса. А потом она мне и говорит...

Вагонетка вдруг резко вздрогнула, будто наткнулась на что-то, и мы дружно вскрикнули, хватаясь за борта. Берс выронил свою фляжку и, кряхтя, заползал по днищу, пытаясь найти ее в потемках. Нас же дернуло в сторону – это посудину нашу подхватила огромная железная клешня и потащила в зияющий непроглядной тьмой боковой туннель.

– Кажется, приехали, – выкрикнул Стинг. – Граждане пассажиры, при выходе не забывайте свои вещи...

Тут нас тряхнуло так, что он заткнулся на полуслове. Вагонетка, кажется, брякнулась обо что-то днищем. Но не остановилась, а наоборот – покатила дальше, наращивая скорость.

– Док, подсвети!

Сергеич швырнул пару шаров вверх, но это было без толку – они цеплялись за потолок и тут же уносились далеко назад. Тогда он собрался-таки с силами и поднялся, цепляясь за верхнюю кромку борта. Следующий шар прицепил на переднюю стенку вагонетки, как большую фару. Свет ее выхватывал проносящиеся мимо бугристые стены узкого туннеля и рельсы перед нами.

– Нас ничего не держит! – предупредил Стинг, указывая наверх. – Мы сами по себе катимся!

– Рельсы под уклон идут!

– Так тормозить надо!

– Чем?!

У меня мелькнула было мысль о Жале, но я ее отбросил. Скорость мы набрали уже приличную, а сама вагонетка тяжеленная. Затормозить я ее точно не смогу. Если зацеплюсь Жалом за потолок – меня просто вышвырнет.

Наш железный тарантас тем временем, грохоча тяжелыми колесами, прокатился вперед по параболе – резкий спуск сменился плавным подъемом, который мы по инерции преодолели, замедляя скорость. К тому моменту мы уже все были на ногах, и сгрудились у переднего края вагонетки, выглядывая через борт.

– Еще света, Док!

Вспыхнул еще один светящийся шар – в аккурат для того, чтобы мы успели разглядеть открывшуюся нам картину. Туннель вывел нас в огромную пещеру. Рельсы продолжались, но уже шли не по дну штрека, а по ржавой железной эстакаде, прямо над бездонной черной пропастью. Причем буквально в паре метров перед нами они снова шли под уклон – крутой, как на американских горках. Времени нам хватило только на то, чтобы дружно набрать в легкие побольше воздуха.

А потом мы рухнули вниз.

– Ох, йо-о-о-о!!!

От ускорения внутренности сжались и подпрыгнули к горлу. Мы намертво вцепились в борта и друг в друга, но вагонетку трясло и бросало из стороны в сторону так, что все равно немудрено было вывалиться. А скорость все нарастала.

Уши у меня закладывало от многоголосого мата. Сам я в такие моменты не ору, а наоборот, стискиваю зубы. Ощущения были мерзкие – будто несешься по встречной полосе, а впереди здоровенная фура. И понимаешь, что уйти в сторону уже не успеешь, так что просто сжимаешься в ожидании страшного удара. Только продолжается это не доли секунды, а куда дольше.

Чувствуя, что пальцы мои соскальзывают с бортика, я зарычал и активировал Укоренение, мысленно отметив остальных пассажиров вагонетки как враждебные цели – чтобы и их опутать Терниями. Почувствовал я себя так, будто и правда пустил корни и сросся с этим железным корытом. Если сейчас во что-то и врубимся – боли я не почувствую. А за счет дополнительной брони, может, даже и выживу. Жаль, длится этот эффект всего полминуты.

Мы, вихляя из стороны в сторону, пролетели сквозь гигантскую каверну и снова нырнули в узкий боковой туннель. Колеса тарыхтели по стыкам рельсов, как пулеметная очередь, а в замкнутом пространстве от этого звука и вовсе оглохнуть было можно.

Псы к этому моменту уже даже не матерились, а просто отрывисто завывали, реагируя на каждый рывок вагонетки. Но, кажется, самый скоростной участок был позади. Мы катились почти горизонтально, а потом даже немного в гору. После пары резких поворотов скорость вагонетки быстро упала, и в очередную пещеру мы выкатились довольно неспешно, а потом и уткнулись в нечто вроде отбойника из железной сетки.

– Сваливаем отсюда! – выдохнул Берс и первым перевалился через борт.

Мы едва успели покинуть транспорт, как из темноты вынырнула очередная железная клешня и утянула нашу вагонетку куда-то прочь.

Приходили в себя мы еще минут пять, не меньше. Док и вовсе рухнул на землю и валялся, тяжело дыша и что-то причитая себе под нос.

– Не, обратно я точно на этой хреновине не поеду, – поддержал его Берс.

– Ну, это просто вниз порожняковые вагонетки так быстро швыряют, – предположил Стинг. – Наверх-то они с рудой должны идти, так что там наверняка медленнее и бережнее тащат.

– Вот сам и проверяй! Я лучше Возвратом наверх телепортируюсь.

– Рано еще о возвращении думать. Мы еще ничего не нашли, – сказал Док и замер, прислушиваясь к чему-то. – Ч-черт, говорил же – нельзя бросать Карачуна! Надо было мне его деактивировать сначала...

– Что, потерялась связь? – спросил я.

Прищурившись, я разглядел тянущуюся от некроманта светящуюся нить Ци, но она была тонкая, как паутинка, и мерцала, грозясь вот-вот исчезнуть.

– Вроде нет пока. Зову его к себе. Но вот отыщет ли он дорогу сюда...

– Извини, Док, – вздохнул я. – Если что – я помогу тебе его отыскать. Даже если придется всю эту шахту снизу доверху облазить.

– Брось, – отмахнулся он. – Мы здесь не за этим.

– Знать бы еще, за чем именно, – буркнул Берс. – Чего ищем-то, Мангуст? Хотя бы примерно представляешь?

– Следы, – пожал я плечами. – Любые следы. Но начать, наверное, нужно с первородного обсидиана. Джанжи Хэ – ксилай, которого я ищу – изучал его незадолго до исчезновения.

– Что это за обсидиан такой? Что-то типа драгоценного камня?

– Нет, – отозвался Док. – Это неразрушимый материал. Из него сделана тектоническая плита, на которой покоится Артар. А поверх этой плиты уже горные породы наслаиваются, почва, реки, озера и так далее. Кое-где в подземельях, если забраться очень-очень глубоко, можно добраться до самой плиты. К тому же, она не совсем ровная – там тоже пики, впадины...

– И что же, совсем неразрушимый? – прищурился Стинг.

Некромант лишь пожал плечами.

– Вроде да. Ну, или просто прочность у него в сотни раз больше, чем у любых других материалов. На нем даже долотом из адамантита царапину не оставишь. Так что изучать его можно только на месте. Отколоть даже маленький кусочек – не получится.

– Ну, что ж, будем искать. Если этот ксилай здесь был, то вряд ли он пробирался сюда каким-то другим маршрутом. Так что отсюда и начнем.

Нижние ярусы шахты неподалеку от рельсов оказались на удивление густонаселенными. Стоило нам углубиться в первую же боковую шахту, как мы наткнулись на целую орду уродливых горбатых карликов – троглов. Они были похожи на безглазых жаб, вооруженных примитивными шестоперами, копьями и кирками, сделанных из обломков алантских железяк. Несмотря на небольшой рост, были они массивными, живучими и чудовищно сильными. Один из таких на моих глазах швырнул в Берса колесо от вагонетки – ржавый железный блин весом килограмм этак в сто.

Особенно опасными эти уродцы были из-за того, что прекрасно ориентировались даже в полной темноте и имели мерзкую привычку нападать совершенно внезапно и целой толпой. В итоге продвигались мы медленно и осторожно, а Док буквально десятками раскидывал вокруг светящиеся шары, чтобы нас не могли застать врасплох. В ходе схваток же отдуваться приходилось в основном нам с Берсом – лук и стрелы Стинга в тесных закоулках штреков были бесполезны, а Док помогал нам разве что дебаффами.

Через полчаса стало полегче – нас, наконец, догнал Карачун. Он, похоже, в точности повторил наш маршрут, только в своем неспешном темпе, плывя сквозь тьму, как огромная страшная медуза. Док едва обниматься к нему не полез, и прыгал от радости, как ребенок.

Не то аура лича отпугивала местных аборигенов так, что они перестали к нам соваться, не то мы просто покинули ареал их обитания – но дальше обошлось без драк. Мы спускались все ниже, штреки становились все теснее, многие из них заканчивались тупиками.

– А шахта-то самоцветная, – одобрительно хмыкнул Док, разглядывая очередной попавшийся ему под руку кусок отработанной породы. – Если тут засесть с инструментами, думаю, можно неплохо выгрести. Гематит, тигровый глаз, кварц, агат... Да много чего можно нарыть.

– Тоже мне, нашел шахтеров! – мотнул головой Берс.

Ему блуждание по этим туннелям явно уже надоело, и он с куда большим удовольствием вернулся бы в пещеры троглов. Там хоть можно было подраться всласть.

Я, честно говоря, тоже с каждой минутой все больше разочаровывался в этой вылазке. Пока нам не попадалось ни малейших следов Джанжи Хэ. И первородным обсидианом тоже даже не пахло. Наверное, мы все-таки недостаточно глубоко забрались.

Надежда затеплилась с новой силой, когда мы набрали на еще один лифт, ведущий еще глубже, и спустились на нем метров на тридцать, не меньше. Здесь нам открылись, похоже, самые последние штреки, которые алантские рудокопы успели сделать, пока шахта еще работала в полную силу. А еще тут было что-то вроде небольшого командного пункта – круглый зал со стенами, укрепленными железными листами. Здесь высились стеллажи со сгнившими от сырости пергаментами, с потолка свисали до сих пор работающие кристаллические светильники.

Дальняя от входа стена зала была странной – угольно-черной, глянцевой, будто экран монитора. Разве что не такой ровной. Свет отражался на ее бугристой поверхности ней расплывчатыми каплями.

Док порывлся было на стеллажах и огромном верстаке в поисках уцелевших фолиантов, но быстро плюнул на эту затею. Там, похоже, не найдешь ничего полезного.

А вот стена его тоже заинтересовала.

– Ха! Так это, похоже, он и есть! Первородный обсидиан.

– А вон там что? Похоже на схемы какие-то?

Берс указал на один из металлических листов обшивки. Там действительно было что-то вроде карты, выгравированной прямо на поверхности. Причем частично очищенной от грязи и пыли – выходит, и здесь мы были не первыми гостями.

А еще рядом на стене темнели свежие росчерки ксилайских иероглифов!

Я чуть ли вприпрыжку подбежал к ним, расталкивая остальных. Достал пергамент с заметками об этой шахте. Многие из иероглифов совпадали. И, как и на самом пергаменте, нанесены они были странной краской – плотной, жирной, вроде сургуча, так что надписи заметно выпирали над поверхностью.

Я провел по иероглифам кончиками пальцев, чувствуя их выпуклые очертания. Потом потер подушечки пальцев друг о друга. Пыли на них почти не было.

Так, посмотрим, что за схема...

– Это и правда карта, – подсказал Стинг. – Показывает расположение других алантских шахт. Кстати, надо бы перенести эти данные к себе в атлас. Может, пригодится.

Он достал свою игровую карту и принялся возиться с ней, поглядывая на стену.

– А вот эти линии и символы? Получается, все шахты соединяются в одну сеть...

– Может, технологические маршруты? Тут же, похоже, не только шахты отмечены, но и переработка. Вот и показывают, откуда и куда везли сырье... Вон, видишь? Отсюда линия тянется на запад, к Гараксу.

– Ну, к Гараксу тут много нитей ведет, – подтвердил Док, тоже разглядывающий карту. – Все-таки это крупный город был в свое время.

– А вот здесь что?

Я ткнул в ту часть схемы, рядом с которой были начертаны ксилайские знаки.

– Сейчас гляну...

Чтобы получше рассмотреть схему, Стингу пришлось привстать на цыпочки и даже подкрутить оптику на своем шлеме.

– Так-так... Ну, судя по очертаниям горных хребтов, это Фроствальд. Вон, видите – это северо-западная оконечность материка?... А это, выходит, Двуглавая гора. Самый высокий пик в Аргаре.

– Это на Ледяном хребте? – уточнил я.

– Ага. И тут отмечены две большие шахты. Так, как это переводится-то...

– Ледяное жерло, – подсказал Док. – А это – Огненное жерло.

– Да-да. Они рядом располагаются. Близнецы прям. А вот тут, к юго-востоку от них – Громовая кузня. Это уже не шахта, а как раз что-то вроде завода. Оттуда от Двуглавой горы сырьё идёт. А дальше...

– Да это уже неважно, – отмахнулся я. – Отмечены-то как раз эти две шахты. Надо будет разузнать про них побольше.

– Про Громовую кузню я, кажется, что-то слышал, – сказал Док. – Это вроде данж. Жерла – скорее всего, тоже. Там огромные подземелья.

– Угу, – поддакнул Стинг. – Даже по размеру значков поглядите. Эти шахты, похоже, вообще самые большие во всем Артаре. Там и по пять данжей запихать можно.

– И наверняка они достаточно глубокие, чтобы там можно было добраться до первородного обсидиана... – пробормотал я.

Пока все сходится. И Молчун оказался прав – Джанжи Хэ запросто может оказаться именно там, во Фроствальде, вдали от цивилизации, поэтому даже Кси не может до него дотянуться.

– Эй, картографы! – окликнул нас Берс. Он тоже бродил неподалеку, исследуя стены. – Вы лучше сюда взгляните.

Он указал на обсидиановую стену.

– Док, ты же вроде говорил, что этот твой первородный обсидиан даже адамантитом нельзя поцарапать?

– Так и есть. Это самый прочный материал в Артаре.

– А это тогда что за хрень?

Мы подошли поближе, пригляделись и дружно раскрыли рты от удивления. Я даже, не веря своим глазам, аккуратно ощупал стену.

Да нет, это не иллюзия. На черной, твердой, как алмаз, поверхности первородного обсидиана красовались глубокие, идеально ровные борозды, складывающиеся в ксилайский иероглиф.

– Что это значит?

Док, прищурившись, замер на несколько секунд, расшифровывая надпись. Наконец, выдал одно короткое слово.

– Бездна.

Глава 6. Напутствие

После всех перипетий этого игрового дня тишина и спокойствие Туманного чертога были, как бальзам на душу. Все-таки это место – одна из моих самых любимых фишек, придуманных для артарских боевых монахов. Этакая матрешка – маленький виртуальный мир внутри другого виртуального мира. Конечно, используется подобная механика не только монахами. Некоторые архетипы магов тоже умеют ускользать в другое измерение, только называют они его Астралом. Хотя, думаю, по сути это то же самое, что и Чертог. Разработчикам ни к чему городить лишние сущности.

Вэйюн Бао, как обычно, восседал, скрестив ноги, с идеально ровной спиной, и неторопливыми движениями перекладывал перед собой какие-то маленькие округлые камешки. Сначала я подумал, что он снова мастерит сад камней, но сетка, расчерченная перед ним на песке, скорее была похожа на доску для какой-то игры вроде шашек. Камешки были двух цветов – матово-черные и белые с тонкими серыми прожилками. Выкладывал он их не на клеточки, а на пересечения линий – то темную фишку, то светлую, выстраивая из них замысловатый и постоянно меняющийся рисунок.

Мы поздоровались, и наставник снова опустил взгляд на игровое поле, задумчиво перебирая фишки. Я не торопил его с разговорами, поскольку мне и самому было чем заняться. Остаток игровой сессии после нашей вылазки в алантскую шахту я посвятил прокачке. Мне совсем чуть-чуть оставалось до достижения Экспертного уровня в Медитации и в Знании Ци, и я хотел достичь этой вехи до того, как отправлюсь во Фроствальд. Что-то мне подсказывало, что там будет некогда разбираться в новых возможностях.

Снова пришлось основательно превысить рекомендуемую продолжительность сессии, и система выдало мне очередное предупреждение. Однако до того, как меня принудительно вышибет в Шлюз, было еще часа полтора субъективного времени. Должно хватить на обстоятельный разговор с Бао.

Я открыл интерфейс и перешел во вкладку умений. Для начала посмотрим, что там новенького сообщит сама система.

Экспертная медитация. Активный прерываемый навык. Базовая продолжительность цикла – 2 минуты. Положительный эффект за каждый цикл – увеличение Силы, Ловкости, Живучести и Интеллекта на 2% сроком на 1 час, снятие негативных магических эффектов (кроме эффекта «Касание смерти»), а также действия ядов и заклинаний, наносящих периодический урон. Максимум последовательных циклов – 5. Позволяет накапливать вдвое больше Ци, находясь у Мест силы, чем на базовом уровне Медитации. Во время Экспертной медитации скорость регенерации возрастает в четыре раза, радиус обнаружения Источников Ци и малых алтарей стихий увеличивается в четыре раза. Может быть развит до Мастерской медитации. Прогресс – 301/900».

Отлично! Как говорится – быстрее, выше, сильнее. Особенно вкусным оказалось удвоение эффекта прибавки к базовым характеристикам. Весьма существенно! Главное – не забывать обновлять баффы каждый час. Что на практике, конечно, не так просто – не всегда получается выкроить несколько спокойных минут.

Экспертное знание Ци. Пассивный навык. Позволяет видеть соотношение стихий у живых существ. Позволяет распознавать зачарованные вещи, обладающие силой стихий. Позволяет обнаруживать Источники чистой Ци и малые алтари стихий на расстоянии до 250 метров. Атакующие умения получают стихийные модифи-

каторы, основанные на Цикле разрушения. Может быть развит до Мастерского знания Ци. Прогресс – 1501/6000».

То, что лучше смогу чутя Источники и малые алтари – это, конечно, здорово. В сочетании с Медитацией радиус обнаружения вообще увеличится до километра. Но что это за Цикл разрушения? Я попробовал добиться от системы более подробного описания, но интерфейс выдал лишь дополнительную подсказку:

За подробным описанием и разблокированием дополнительных эффектов навыка обратитесь к классовому наставнику.

Похоже, тут и правда не обойтись без помощи Бао.

Ксилай как раз поднял взгляд от своей расчерченной на песке доски и едва заметно улыбнулся – я угадал это по чутко вздрогнувшим серебристым вибриссам.

– Я прямо-таки чую, как в твоей голове забурлили вопросы, мой юный друг, – проговорил он, раскуривая свою любимую трубку с длинным костяным мундштуком. – Не сдерживай себя – задай их.

– Ты наверняка заметил, что я хорошо продвинулся на своем Пути и достиг очередной вехи. Мне открылись новые умения. Но я пока не знаю, как их использовать.

– Не бойся, когда чего-то не знаешь. Бойся, когда ничему не учишься.

– Я хочу научиться. Расскажи мне о Цикле разрушения.

– Вэйюн Бао счастлив, что его ученик, наконец, готов приступить к изучению законов Ци.

– Только приступить? А чем же я до этого занимался?

– Готовился. Всему свое время, Мангуст.

Он плавно провел рукой в воздухе, очерчивая круг, и перед ним появились полупрозрачные шарики размером с теннисный мяч. Пять штук, подкрашенные цветами стихий – Огонь, Вода, Земля, Металл, Дерево. С соответствующими иероглифами на них. Помню, он использовал эти пузыри во время наших первых разговоров с ним – когда объяснял основы концепции пяти стихий.

– Знакомые штуки, – кивнул я.

– Надеюсь, ты уже достаточно хорошо ориентируешься в распознавании стихий. Способен видеть течение Ци, распознавать ее состав, видеть сильные и слабые стороны противника.

– Да, это порой здорово помогает.

– Однако не думаешь же ты, что на этом мастерство боевого монаха исчерпывается? Какой прок в том, чтобы видеть слабые места противника, если не можешь использовать их? Но для этого нужно понимать, как устроены циклы созидания и разрушения.

Ксилай чуть повел ладонями, перетасовывая плавающие в воздухе символы.

– Главное, что тебе нужно понять – это то, что никакая стихия не существует сама по себе. Все они взаимосвязаны и перетекают одна в другую. И происходит это по строго определенным законам, которые Кси изучила и научилась использовать еще в стародавние времена. Эти законы получили название Цикл порождения и Цикл разрушения.

Он замедлил движения, и символы стихий выстроились перед ним в кольцо.

– Начнем с Цикла порождения. Выбери одну из стихий. Неважно, какую – просто для примера.

– Ну... Вода.

– Да будет так.

Голубоватый шарик с иероглифом Воды чуть увеличился в размере и немного выдвинулся из общего круга.

– Вода – основа жизни. И она питает Дерево – от крошечного ростка до мощного великана, чьи ветви могут дать тень целому городу. Дерево не может существовать без воды.

Зеленоватый пузырь придвинулся ближе к водному.

– Что же питает собой само Дерево? – спросил Бао.

– Ну, тут не сложно догадаться. Огонь?

– Верно. Сгорающая, Дерево питает собой Огонь. Огонь образует после себя пепел, который становится Землей. Земля рождает в своих недрах руду – Металл. А потом цикл замыкается – руда плавится и становится жидкой, обретая свойства Воды. При этом для природы важен баланс. Скажем, если Воды слишком много – Дерево может сгнить на корню и погибнуть. Огонь рождает Землю, однако если он слишком силен – она превратится в пустыню.

Пока он говорил, внутри кольца стихий всплывали мимолетные образы, сотканые из сизого дыма, испускаемого его курительной трубкой. Стремительно растущее дерево, сгорающие в костре ветки и так далее. Этакая смесь ксилайской философии и урока природоведения. В другое время я бы, наверное, нетерпеливо ерзал, ожидая, когда Бао приступит уже к самому главному. Однако за время общения с ним я понял, что стоит прислушиваться вообще ко всему, что он говорит. Иногда эти знания приносят реальную пользу.

Символы стихий снова выстроились в кольцо, но поменяв при этом порядок.

– А это – Цикл разрушения. Одна стихия может поддерживать другую, а может, и наоборот, подавлять. Начнем снова с Воды.

– Вода гасит пламя? – предположил я.

– Именно. Стихия Воды подавляет стихию Огня. Огонь же, в свою очередь, способен расплавить Металл. Металл – разрушает Дерево. Дерево – разрушает Землю. Земля поглощает Воду. И – круг снова замкнулся.

Снова призрачные образы, иллюстрирующие слова ксилая. Топор, рубящий ствол дерева. Древесные корни, раздвигающие слой почвы и стремящиеся все глубже. Вода, бесследно уходящая в песок.

– Все эти взаимосвязи, так или иначе, влияют на все в этом мире. И в том числе на эффективность различных умений и заклинаний.

Так-так-так... Ну, про то, что вода гасит огонь – это и ребенку понятно. Взять, к примеру, мое умение Водяной щит.

Водяной щит. Защитное умение Мастера Воды. Монах использует два заряда чистой Ци, чтобы создать вокруг себя или союзника водяную сферу, поглощающую любой магический урон. Сфера держится 60 секунд либо пока не поглотит количество пунктов урона, равное показателю Ловкости монаха. При поглощении заклинаний стихии Огня Водяной щит нейтрализует 3 единицы урона за каждую единицу Ловкости монаха. Сфера не препятствует движениям носителя и его атакам. Эффективность баффов и исцеляющих заклинаний при наложенном Водяном щите возрастает на 20%.

– Теперь мне понятно, почему против заклинаний стихий Огня мой Водяной щит втрое эффективнее, – сказал я. – Но почему, например, атакующие умения Воды имеют дополнительный дробящий урон, игнорирующий физическую броню? Ведь вода не разрушает металл, по твоей логике?

– Подумай, – улыбнулся Бао. – Ты должен понять сам принцип. И тогда тебе откроется многое.

Я залез на вкладку с талантами и начал вчитываться в их описания, хотя вроде бы они были мне давно знакомы. Разгадка пришла довольно быстро.

Ха! Тут тоже все сходится. Просто нужно помнить не только о Цикле разрушения, но и о Цикле порождения. Броня – это Металл, и он порождает Воду, то есть делает ее сильнее. Поэтому он не может использоваться, как защита от неё. По этой же причине умение Сердце дуба, увеличивая физброню, одновременно дает дополнительную уязвимость к Огню – ведь Дерево питает Огонь!

Я проверил описания всех своих умений и предметов, и лишь один из них немного не вписывался в общую концепцию. Посох Царя обезьян.

Посох царя обезьян. Редкость: легендарная. Материал: зачарованная древесина Вечного баньяна. Требования: класс – монах, мастер стихии Дерева. Свойства: +3 ко всем атакующим умениям. Все удары и атакующие умения получают дополнительный урон от Стихии Дерева в размере 10% от показателя Силы владельца и шанс оглушить противника на 2 секунды (шанс 10% + 1% за каждые 100 единиц Силы). Дополнительный урон игнорирует магическую защиту цели. Модифицирует умение «Хлещущая ветвь»: область поражения увеличена на 200%, время подготовки удара сокращено до 1 секунды, максимальный бонус к Силе во время удара увеличен до 250%, убрано повышение физической брони во время подготовки к удару, добавлен кулдаун в 60 секунд. Модифицированное и обычное умение можно использовать независимо друг от друга.

– Как дополнительный урон от стихии Дерева может игнорировать магическую броню? Магия ведь завязана на Интеллект, а значит, это Огонь?

Бао покачал головой.

– Маги, как и боевые монахи, способны повелевать всеми стихиями. Часто их заклинания используют первозданную сущность стихий – особенно у стихийных магов. Однако не менее часто они преобразуют свою энергию в потоки чистой Ци, которую можно использовать как угодно. Магическая броня – как раз из чистой Ци. Она универсальна, и защищает и от физического оружия, и от всех видов магического урона.

– Но не от посоха Ханумана?

– В том числе поэтому подобные артефакты так ценятся. Остались ли у тебя вопросы о Циклах порождения и разрушения?

– Пожалуй, нет. Теперь, конечно, гораздо понятнее, как все устроено. Но вопрос в другом. Что делать с этим знанием?

– А вот тут начинается самое интересное. Монах, достигший Экспертного уровня в Знании Ци, получает дополнительные эффекты при атаке, направленные на конкретную стихию противника.

– И как это работает?

– Ты ведь уже наверняка привык оценивать противников, ориентируясь на то, какие стихии в них особенно сильны? Однако до сих пор это было лишь знание. Сейчас оно обретет для тебя реальную силу.

Еще одно системное сообщение.

Дополнительные эффекты от пассивного навыка «Знание стихий» активированы. Добавлено подробное описание навыка.

Я снова полез в интерфейс, и на этот раз залип надолго.

Экспертное Знание Ци наделяет атакующие умения Монаха модификаторами, зависящими от взаимодействия стихий:

Вода гасит Огонь: атакующие умения школы Воды сжигают ману противника.

Огонь плавит Металл: атакующие умения школы Огня временно снижают броню цели.

Топор подрубает Дерево: атакующие умения школы Металла временно снижают показатель Силы противника.

Корни разрушают почву: атакующие умения школы Дерева временно снижают показатель Живучести противника.

Песок поглощает Воду: атакующие умения школы Земли временно замедляют противника.

Сила и продолжительность эффекта зависят от уровня атакующего умения и указываются в его описании. Модификаторы одной стихии не складываются,

однако при повторной атаке по одной цели таймер эффекта обновляется. Минимальный уровень умения для активации модификатора: 20.

Уф, как говорится, все такое вкусное! И к тому же полезно не только при сражении один на один, но и в больших замесах. Одна загвоздка – чтобы эти дополнительные эффекты срабатывали, нужно основательно прокачать атакующее умение. Понятно, почему Бао всегда настаивал на том, что выгоднее совершенствоваться в одном боевом стиле, а не хвататься за все сразу. Сейчас у меня пока достаточно прокачаны только умения школы Воды. Но надо будет и что-нибудь из Деревя подтянуть, хотя бы один прием. А уж если все-таки постараться со временем захватить все плюшки...

Я попытался прикинуть, сколько времени это может занять, и выводы получились неутешительными. С другой стороны – кто же меня торопит, кроме собственного желания успеть первым? Будь моя воля, я бы, как тот Джерри Краш, открыл бы свой видеоканал, бросил бы самому себе вызов и показывал зрителям, как добиваюсь поставленной цели. Но, пока я работаю на Молчуна, о таких вещах не стоит даже заикаться. Псы действуют скрытно, а уж конкретно я и отряд Терехова до сих пор даже в гильдию не вступили.

– Доволен ли ты результатом, Мангуст? Я вижу, что тебя что-то тревожит...

Вопрос наставника выдернул меня из задумчивости. Ответил я не сразу. Почему-то с Бао я со временем стал предельно откровенным, как с психоаналитиком каким-нибудь. Так что не ограничился дежурным ответом, а всерьез задумался, прислушиваясь к себе.

– Я рад, учитель. И мне не терпится опробовать новые знания и возможности. Однако снова случилось кое-что, что ломает планы.

План у меня за последний месяц сложился простой. Во-первых, я качался, поднимая базовые статьи, а также оттачивая боевые приемы, на которых решил сделать основную ставку. Во-вторых, занимался поисками Джанжи Хэ. И в-третьих, потихоньку подбирался к тому, чтобы приступить к изучению третьей стихии. Выбор мой пал на Землю. Это был самый удобный и очевидный вариант, поскольку Янтарный единорог располагался в центральной части материка, на равнинах Лардаса. К Алому фениксу, великому алтарю Огня, пришлось бы переться аж к западному побережью, в Марракан. А уж Белого тигра я и вовсе собирался оставить напоследок – я и раньше слышал о суровых условиях Фроствальда, так что морозить уши не торопился.

Но эта история с Джанжи Хэ и таинственным Полтергейстом путала мне все планы. Во Фроствальд придется отправляться прямо сейчас, и неизвестно, насколько я там застряну. Поэтому почему бы мне не совместить приятное с полезным? В смысле – и задание гильдии, и классовый квест? Раньше ведь у меня получалось.

Я рассказал Бао о новых уликах в деле о пропаже Джанжи Хэ и о том, куда я собираюсь отправиться.

Ксилай слушал мой рассказ внимательно, не перебивая, однако морда его, и без того черная, как антрацит, мрачнела с каждой минутой.

– Выходит, Джанжи Хэ жив и даже продолжает работать... – наконец, проговорил он. – Однако, кажется, он в беде.

– Может, он сотрудничает с этими людьми добровольно? Или вообще изготовил Золотого шершня давным-давно, а потом этот артефакт просто попал не в те руки?

Бао покачал головой.

– Все это очень не похоже на Джанжи. Я очень беспокоюсь о нем. И о тебе тоже. Я горжусь твоими успехами, и за последнее время ты лишь укрепил свое уважение у Кси. До сих пор никто из твоих соплеменников не смог продвинуться на своем Пути так далеко. Однако, боюсь, для Фроствальда ты еще не готов.

– Я буду действовать один, но за мной – поддержка моих друзей. Мне уже передали экипировку и много всяких полезных вещей, которые пригодятся на севере...

Бао снова замотал головой, будто не желал даже слушать об этом.

– Я не об этом, мой юный друг. Я ведь достаточно хорошо знаю тебя, чтобы понять – ты будешь заниматься не только разведкой. Раз уж ты окажешься в окрестностях Ледяного хребта – ты постарайся найти Белого тигра.

Я усмехнулся. Мы с ксилаем и правда уже основательно изучили друг друга.

– Конечно, учитель. Было бы глупо не воспользоваться такой возможностью. Беда в том, что я не планировал осваивать стихию Металла так рано, поэтому пока даже не узнавал никаких подробностей о ней.

Да, в общем-то, и неоткуда было брать эту информацию. Я постоянно просматриваю сайты в поисках новых сведений, касающихся своего игрового класса. Но от игроков их поступает крайне мало, а из разработчиков и вовсе слова лишнего не вытянешь. Так что вся надежда на Кси. Зря я, что ли, репутацию с ними прокачиваю?

– После того, как тебе быстро удалось добраться до ранга мастера в школах Воды и Дерева, ты наверняка думаешь, что и освоение других стихий проходит примерно по той же схеме. Однако это не так. Каждая из стихий имеет свои особенности, а Металл – пожалуй, одна из самых сложных и неоднозначных из них. И ее тебе при всем желании не одолеть одним наскоком.

– Но хотя бы с чего начать? С паломничества к великому алтарю?

– С этим тоже не все так просто. Великие алтари не всегда воплощены в камне или дереве, как Черная черепаха или Лазурный дракон.

– Да, я это уже понял, когда изучал легенды о Янтарном единороге.

Будь великий алтарь стихии Земли конкретной статуей, стоящей где-нибудь на равнинах Лардаса – я бы уже давно к нему сгонял. Однако, как оказалось, Единорог – это живое существо. Что-то вроде именного моба, которого еще надо постараться отыскать и не спугнуть. А чтобы хотя бы выйти на его след, нужно выполнить кучу квестов. Собственно, из-за этого-то я и застопорился.

Видно, и с Белым тигром не все так просто.

– Ты упомянул о Двуглавой горе. Это сакральное место, крайне важное как для самого Ледяного хребта, так и для всего Артара.

Бао сделал глубокую затяжку и выпустил целое облако дыма, которое соткалось в некое подобие 3D-модели. Огромная гора с двумя вершинами – одна острая, конусовидная, другая – пониже первой и выглядит так, будто срезана гигантским ножом.

– Одна из вершин Двуглавой горы – это дремлющий вулкан. В его недра можно спуститься по Огненному жерлу. Вторая вершина полностью состоит из векового льда, но внутри нее тоже пустота, которую называют Ледяным жерлом. По легенде, жерла – это ноздри Лазурного дракона, который после создания Артара улегся на материк и окаменел, погрузившись в глубокий сон. Все горные гряды – это очертания его хребта, а в районе Фроствальда как раз располагается его голова.

– Но я думал, что Жерла – это алантские сооружения...

– Аланты, действительно, выстроили там свои рудники – самые большие на континенте. Однако подземелья эти так огромны, что эти рудники занимают лишь небольшую их часть. Остальное – это огромный лабиринт, погруженный во тьму. Жерла во многих местах соединяются друг с другом, и нестерпимый жар раскаленной лавы встречается с пронизывающим до костей холодом. Это место рождает страшных чудовищ.

– И там же можно найти Белого тигра?

Ксилай в который раз за сегодняшний разговор покачал головой.

– Тигра тебе предстоит найти внутри себя.

– Что это значит?

– Ты когда-нибудь задумывался, почему боевым монахам нельзя носить на себе железных доспехов и вообще ничего металлического?

Я пожал плечами.

– Наверное, какое-то религиозное табу. Я не совсем его понимаю, но тоже следую ему из уважения к традициям.

Ну, и потому, что ношение железа ведет за собой вполне реальные игровые штрафы. В первую очередь, снижается максимальное количество зарядов чистой Ци, которую можешь накопить. А если навешать на себя слишком уж много металла – так и вовсе некоторые умения будут недоступными. С этим я пробовал экспериментировать на досуге. Хотя некоторые из моих коллег-монахов все-таки нарушат табу – для них дополнительная броня важнее лишних зарядов Ци. У каждого свой Путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.